Красноармеец Краснофлотец

№ 4

Цена 50 коп.

М1925

Начальник дрейфующей станции „Северный полюс“ И. Д. ПАПАНИН.

Радист Э. Т. КРЕНКЕЛЬ.

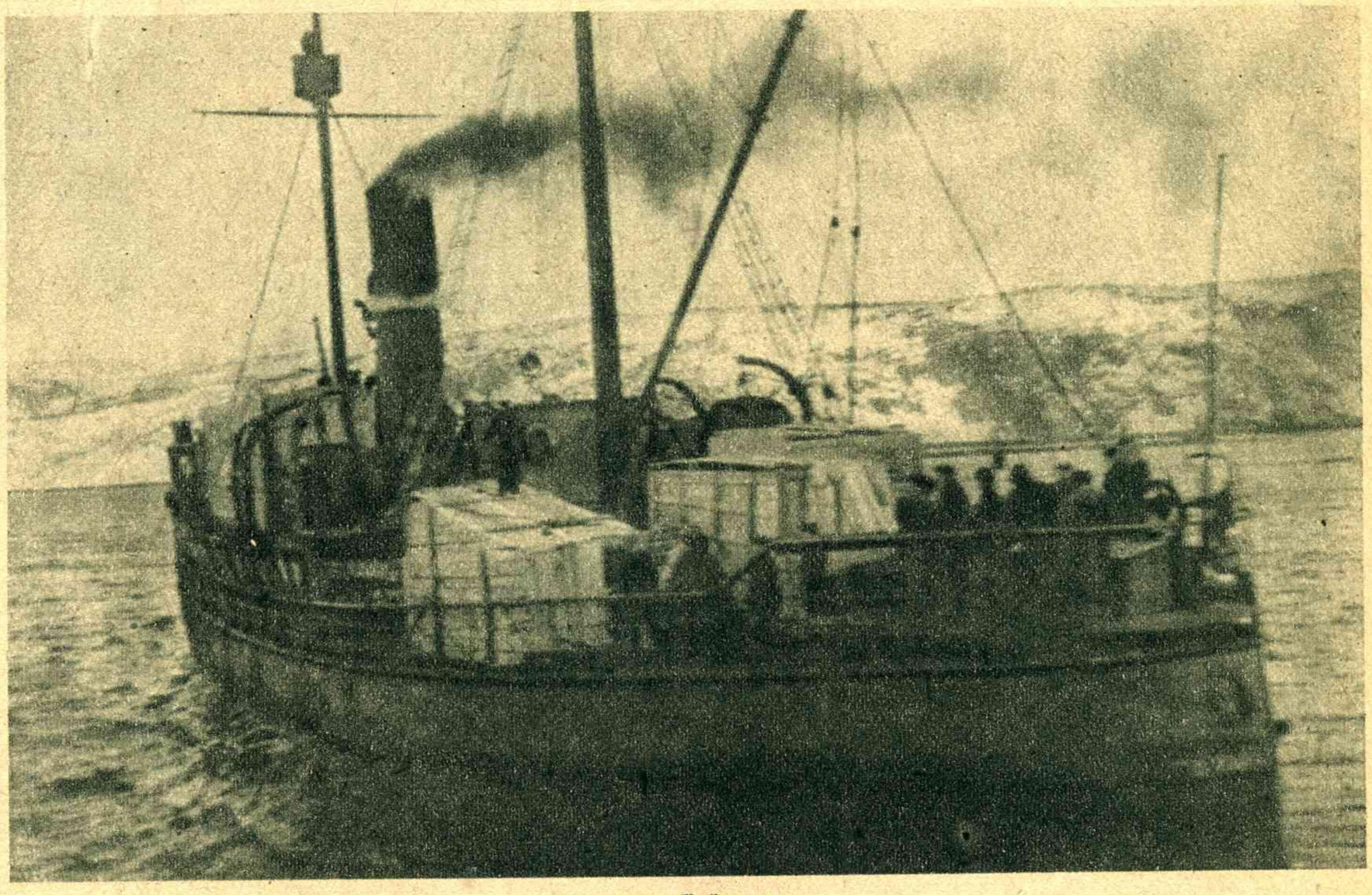
Гидролог и гидробиолог П. П. ШИРШОВ.

Магнитолог и астроном Е. К. ФЕДОРОВ.

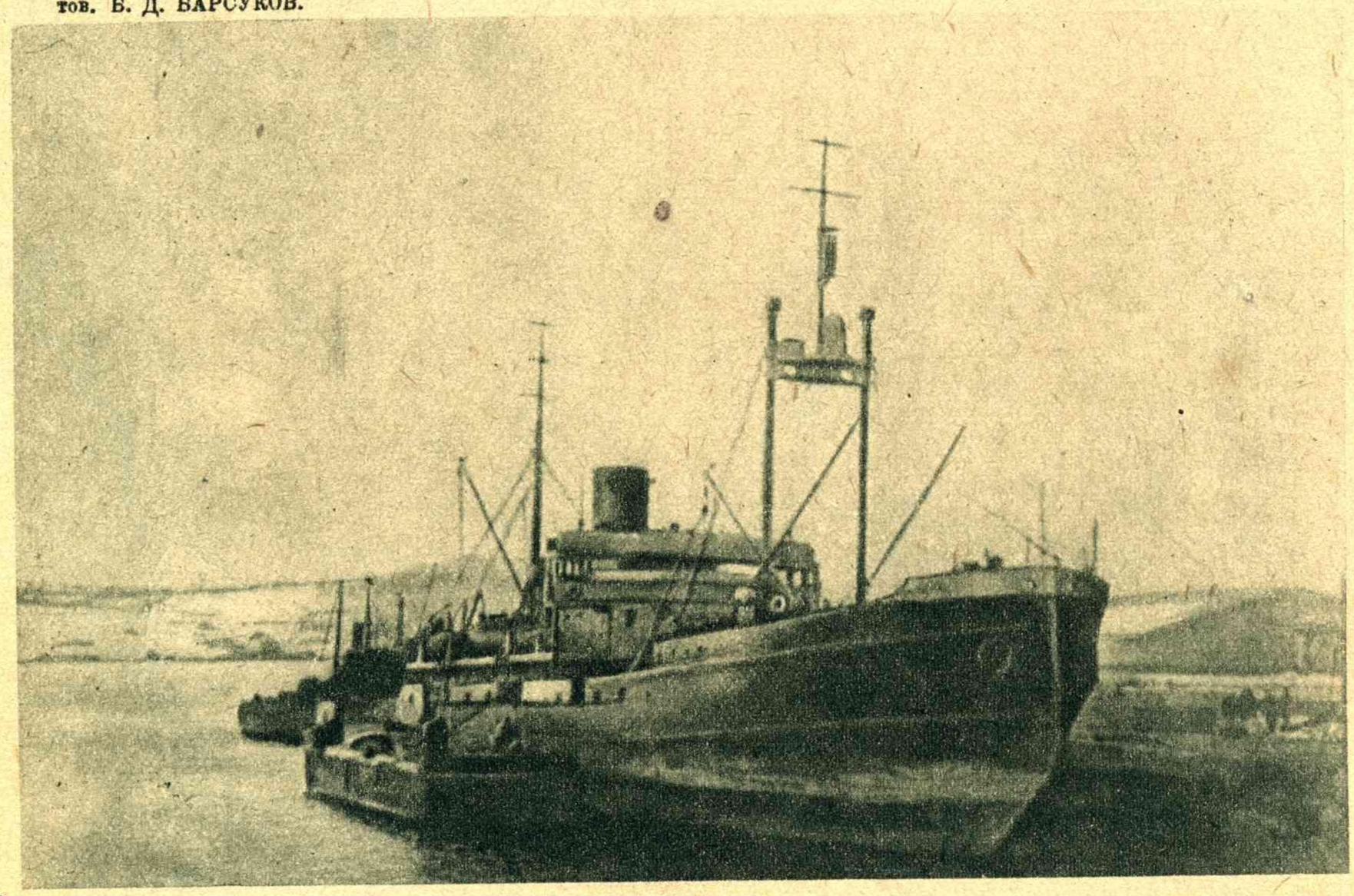
ОТВАЖНЫМ ПОЛЯРНИКАМ, ГЕРОЯМ АРКТИКИ, С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИВШИМ ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА, ДОБЛЕСТНЫМ ПОБЕДИТЕЛЯМ СУРОВОЙ СТИХИИ — ПЛАМЕННЫЙ КРАСНОАРМЕЙСКИЙ И КРАСНОФЛОТСКИЙ ПРИВЕТ.

Руководитель экспедиции на ледоколе „Таймыр“ тов. А. В. ОСТАЛЬЦЕВ

Капитан ледокола „Таймыр“ тов. Б. Д. БАРСУКОВ.



Ледокол „Таймыр“.



Ледокол „Мурман“.

Командир летной группы на ледоколе „Таймыр“ тов. Г. Ф. ВЛАСОВ.

Капитан ледокола „Мурман“ тов. И. Ф. КОТЦОВ.

Красноармеец
Краснофлотец

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

двухнедельный литературно-художественный журнал

20 год издания | № 4 | февраль 1938

Институт литературы ЦИК СССР им. М. Горького
38-15233

Подруге

В. Долин

Вечер. Тишь. Плечо любимой.
Камыши дрожат слегка.
Облаками голубыми
На восток бежит река.

Нелегко разлуки бремя,
В час прощальный тяжело.
Утром встану я на стремя,
Скрипнет жесткое седло.

Патронташ. Клинок. Винтовка.
Две ракеты. Пять гранат.
Далеко к Манчжурским сопкам
На рысях уйдет отряд.

Не волнуйся, моя радость, —
Сохрани любовь свою, —
Я вернусь к тебе с наградой,
Заработанной в бою!

ПЕРВАЯ БОЛЬШЕВИЧКА ГОР*

Вера Тибилова выросла в горах Южной Осетии. Ее отец — бедняк-осетин — всю жизнь работал на других. С детства поняла Вера, что все, куда ни взглянешь, — и горы, покрытые тенистыми лесами, и долины с их садами, виноградниками и пашнями, и даже быстрые горные речки — все, к чему так привыкла Вера и что любила, принадлежало «сиятельным» князьям Грузии. Ни клочка земли, ни одного фруктового дерева не было для бедняка-осетина. И нужда заставила его вместе с семьей перебраться в Тифлис — там искать кусок хлеба. Но в городе было еще больше таких, как он, бедняков. Жизнь становилась все труднее и труднее.

Однажды вечером отец долго не приходил. Вера уже начала беспокоиться — не случилось ли что с ним. Она сидела у окна бедной своей каморки и ждала. Отец был единственным человеком, который заботился о всей семье. Далеко за полночь пришел отец. Он был чем-то озабочен. Подойдя к ней, он положил свою дрожащую морщинистую руку на плечо девушки и медленно заговорил.

В тишине голос отца звучал сдавленно и печально. Морщинистое лицо его вздрагивало, глаза смотрели поверх головы дочери. Вера не слышала его слов. Она поняла только одно: чтобы избавиться от нужды, отец выдает ее замуж. Воля отца — нерушимый закон. Дочь, не исполняющая его волю, не может называться дочерью. Но кроме закона была еще у Веры большая жалость к отцу. В старческих бесцветных глазах она видела надежду уйти от цепкой нужды.

Отец продал — обменял на хлеб Веру, когда ей исполнилось всего четырнадцать лет. Чужой человек не спросил Веру, хочет ли она быть его женой. Он просто, словно вещь, взял ее и привел в свой дом. Но замужество не облегчило положения семьи. Началась война. Она длилась долго-долго. У Веры родилась дочь. В это время с фронта стали возвращаться солдаты. Они заполнили город. От них Вера впервые услыхала о революции. Новые несчастья опять обрушились на голову Веры: в уличной перестрелке убили мужа, через несколько месяцев умерла дочь. К отцу тоже зашла беда. Он потерял работу. Жалкий и беспомощный, отец согнулся и высох еще больше. Вскоре он умер, и Вера осталась одна. А жизнь кругом бурлила все больше и больше. С шумных солдатских митингов, с беспокойных улиц все сильнее и настойчивее стали доноситься до нее непонятные вначале слова: большевики, советы.

Вера стала ходить на митинги. Она обыкновенно становилась поодаль и прислушивалась к словам ораторов.

После собрания она торопилась к подругам, знакомым горянкам, и передавала им все, что слышала на митинге.

Однажды она услышала радостную весть. Там, далеко за горами, рабочие победили. Они вырвали власть у богачей. Это была первая настоящая радость у женщины, видевшей в жизни только горе и нужду.

Город ожил, заволновался. Молодежь, старики, женщины собирались на митинги. Вера теперь уже не только слушала. Она сзывала женщин на митинг, сама стала выступать. Незаметно у нее оказалось много знакомых солдат; женщины, встречая ее на улицах, приветливо здоровались с ней.

Но, беседуя с солдатами, рассказывая женщинам о революции, Вера все больше и больше чувствовала, что у нее нехватает знаний. Тогда она набросилась на книги. Читала много. Скоро она смогла сдать экзамен на учительницу начальной школы. Теперь ее потянуло в горы. Ведь там совсем нет людей, которые бы могли разъяснить темным горцам смысл происходящих радостных и больших событий. Вера поехала в родные места — в аул Теречвани Южной Осетии.

Здесь первой из горянок Вера вступила в подпольную большевистскую организацию. Ее пылкие слова звучали среди молодежи и женщин. Вместе с листовками Вера разносила по соседним аулам горячий призыв готовиться к решительному бою с врагом.

А враг не дремал. В горах рыскали контрреволюционные отряды. Князья, муллы, богачи свинцом и виселицами усмиряли горцев, поднявшихся на великую борьбу.

Тревожные дни двадцатого года. Белые бандиты напали на аул. Засвистели шомпола и нагайки. Полилась кровь детей, женщин и стариков.

Отряд революционных горцев ушел в горы. С отрядом ушла и Вера. Она вместе с бедняками вела борьбу против белых.

Гулко гремели орудия. Белые, вооруженные пушками, пулеметами и ручными гранатами, теснили красных партизан.

В партизанском отряде не было ни пушек, ни пулеметов, хуже того — нехватало даже винтовок. Бойцы, окруженные с трех сторон белыми, отбивались камнями. Единственный путь к отступлению — узкое ущелье — грозил смертью. За выступом, у входа в ущелье, строчил вражеский пулемет.

Вера из-за камня видела, как падали партизаны, сраженные пулями белых. Пройдет час-другой — и от отряда не останется ни одного бойца. В ее разгоряченной голове неотступно билась мысль: «Надо что-то сделать. Иначе смерть отряду. Но что же сделать?...» Вера до крови кусала сухие губы и пристально искала глазами уязвимое место в позиции врага. Пулеметная стрельба в ущелье привлекла ее напряженное внимание.

— Вот, вот! — радостно вскрикнула она и, припав к земле, ящерицей поползла к ущелью.

Острые камни царапали колени, руки, лицо. Кровь стекала с оцарапанной щеки. Вера ничего не чувствовала. С винтовкой в руке она ползла все выше, обрывалась и, стиснув зубы, снова ползла. Наконец она взобралась. Внизу, на склоне горы, виднелись ненавистные спины, погоны и затылки двух белых пулеметчиков.

Вера, прицелившись, выстрелила. Пулеметчик дернулся и застыл. Пулемет умолк.

---

* Из материалов истории гражданской войны.

Фото М. Редкина.

Техник-инструктор лаборатории Артиллерийской Академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского воентехник 2-го ранга тов. Е. В. Гордоделова.

Оставшийся в живых белогвардеец растерянно обернулся. Меткий выстрел уложил и его на месте. Вера бросилась к пулемету, сорвала с головы серый платок и что было силы крикнула:

— Товарищи!... Сюда!

Партизаны перебегали ущелье. Вера стояла у пулемета и победно махала платком. Белые открыли стрельбу.

— Падай... Убьют! — крикнул ей подбежавший партизан. Он повернул пулемет в сторону белых.

Вера качнулась. Тело ее вдруг налилось усталостью, перед глазами замелькали мушки. Она упала. Вражеская пуля пробила ей грудь. Кровь яркими пятнами покрыла платье.

Долго болела Вера.

В это время в Закавказье хозяйничали меньшевики. Оставаться здесь было опасно. Поэтому прямо из лазарета, в котором нелегально лежала Вера, после выздоровления она уехала во Владикавказ.

Явилась в комитет большевиков.

— Пошлите в горы. Буду добивать врага, — попросила она.

Работники комитета взглянули на впалые щеки Веры и ответили:

— На фронт ты, товарищ Тибилова, не пойдешь. Иди подымай горянок. Участок большой, ответственный. Понадобится наша помощь — приходи: поможем.

В горах не смолкала стрельба. Партизаны добивали белых. Вера все время мысленно была с ними. Она стала работать среди горянок. Ингушские, осетинские, чеченские аулы помнят ее горячие речи и неутомимую энергию.

В одном ауле она организовала небольшой отряд медицинских сестер и обучала их, как могла, перевязкам. Отряд ушел в горы. Она переправляла партизанам чистое белье, пищу, вести из дому. Старые женщины стирали белье бойцам и заботливо ухаживали за их детьми.

В свободное время Вера созывала горянок. Тепло и понятно рассказывала она им о большевиках, о равном праве женщины с мужчиной, о новой жизни. Горянки слушали и одобрительно покачивали головами.

Заболел ли у горянки ребенок — Вера утешает мать и помогает ей выходить ребенка. Кончился хлеб у другой женщины — Вера доставала его и приносила горянке.

Женщины аулов шли к Вере поделиться своими сокровенными мыслями, шли за советом и помощью. Довольные, уходили от нее горянки, говоря между собой:

— Доброе сердце у нашей Веры...

Репрод. Г. К. Донского.

Фрагмент диорамы худ. П. П. Соколова-Скаля „Первая Конная в тылу Врангеля".

Враг разбит. Гражданская война окончена. Страна приступила к восстановлению разрушенного хозяйства.

Веру Тибилову послали учиться.

Жадно взялась она за изучение книг великого Ленина. В книгах так много интересного и волнующего! В них Вера находит яркое объяснение причин векового рабства и угнетения народов царизмом и его палачами. Ей теперь понятно, почему закреплял царизм неравенство женщин.

Перед глазами проходят картины из проклятой жизни отца. Гнет, нищета, бесправие.

Ночами Вера, отрывая часы у сна, пишет книгу о женщинах гор.

Учась, она держит тесную связь с горянками. На каникулы Вера возвращается в родной аул. И снова, как в годы гражданской войны, собирает женщин, делится с ними знаниями, призывает горянок участвовать в общественной жизни.

Горянки, как и прежде, внимательно слушают Веру, идут к ней за помощью и советом. И не одна женщина порывает с дикими обычаями прошлого.

Вера для женщин — наглядный пример.

Каждая горянка стремится быть такой же, как большевичка Вера.

В двадцать втором году собрался съезд горянок. Делегатки шумно и деловито заняли места. В зале торжественная тишина. Выборы в президиум нарушили тишину, всколыхнули горянок. С разных сторон зала делегатки дружно, с любовью выкрикивали:

— Веру Тибилову!...

— Большевичку Веру!...

— Тибилову-партизанку!...

Вера, волнуясь, поднялась в президиум, радостно окинула взором зал.

Красные повязки на головах горянок. Нет прежнего забитого вида, сутулости. Счастливые смуглые лица. Независимый, гордый взгляд говорил о том, что женщины гор освобождены навсегда, что никогда горянки больше не будут рабынями.

Теплая волна пробежала по телу Веры, кольнула ее в сердце. Вера пошатнулась и упала на стул.

Горянки бросились к Тибиловой. Вера была неподвижна. Старая, мрачная жизнь, годы борьбы, ранение подорвали ее сердце. Оно не выдержало.

Делегатки плотной стеной окружили Тибилову — первую большевичку гор, которая отдала свою жизнь за счастье всех горянок.

Р. РУБЕР

Учителя героизма

Раньше инструктора называли «бог». Насмешки тут не было никакой: для него, как для бога, не было ничего невозможного. «Бог» крыл учеников матом, терроризировал их требованиями подарков... Он был бесконтролен — он гнал взашей тех, кто ему не нравился, и, наоборот, позволял гробить машины любимчикам. Он обучал одного и калечил десятки.

Не так давно мне попался в руки дневник одного из летчиков царской авиации, погибшего в бою с немецким самолетом в 1916 году. Этот летчик (фамилия его Бесчапов, он сын маляра) своим горбом пробился в авиацию и пришелся не ко двору тогдашнему летному начальству.

«Сегодня долго перебирал мотор «Гном-Моносупапт», имеющий дрянную манеру терять в воздухе цилиндр. Когда пришел в офицерское собрание обедать, капитан В. иронически, посматривая на мои руки, заметил:

— Прапорщик, мне только кажется, что у вас каемка на ногтях, или это действительно так?

Он увидел, как я покраснел. Понял ли он — отчего?

— Хорошо иметь старательного летчика!

Его презрительная реплика была встречена смешком, и он протянул мне щеточку для чистки ногтей».

Фото Ф. Кислова.

По танкам.

«Бог» не уважал машину. Для черной работы были солдаты: рядовой Молоков, еще какой-нибудь рядовой. Единственный инструмент, который носил с собой «бог», была щеточка для ногтей.

Молоков — летчик-инструктор. Летчик-инструктор — Ляпидевский. Летчик-инструктор — Доронин. Почему все они — инструкторы?

Школьники в безыменных анкетах на вопрос: «Кем вы хотите быть?» — еще не отвечают: «Молоковым», на героев Советского Союза еще не направлены пронзительные дула киноаппаратов, и веснущатая девочка с колючими хвостиками косиц переспрашивает прохожего на тихой улице изнуренного жарой городишка:

— Вы спрашиваете, как пройти к Ляпидевскому? Это к какому — к Толе?

Толя Ляпидевский ей почти ровесник. Мы отодвинули время на каких-нибудь четыре-пять лет назад. Всего!

Эта же девочка, уже спрятав косицы под модный берет, спрашивает меня сегодня:

— Товарища Кугиса?

И задумывается.

— Мотю, да? Это во дворе, направо.

Страна еще не знает Кугиса. Она не слыхала и о многих других, таких же безвестных, десятки выучеников которых, однако, уже кувыркаются «бочкой» на стремительных боевых машинах, крутят сумасшедшие перевороты Иммельмана, методически отсчитывают витки штопора.

И если бы эвакуировать ледовый лагерь Шмидта пришлось кому-нибудь из них, результат был бы тот же самый. Это — не пустые слова.

Марк Кугис окончил электротехническую профшколу. Когда в Одессе должны были пойти первые автобусы и никто еще не знал схемы электропроводки на них, позвали Кугиса. Он переживал установку каждой лампочки, как переживают первую любовь. Когда наступали сумерки, он мчался на главную улицу и перескакивал с одного автобуса на другой: ему доставляло удовольствие смотреть, как шофер поворачивает выключатель.

Лампочки зажигались безотказно. Все до единой. Это становилось скучным.

Тогда он сконструировал в трамвайном парке моторно-испытательную станцию.

После этого занялся ремонтом медицинских аппаратов.

Он допрашивал технику настойчиво и пристрастно, и, не спаси Чухновский остатки нобилевской экспедиции, быть бы, возможно, Кугису выдающимся электротехником, а со-

всем не летчиком. Но Кугис прочел о Чухновском, и освещенный сияющими лампочками новый одесский автобус показался ему старомодной и унизительной колымагой.

Самолет! Вот это — да!

При сдаче конкурсных экзаменов в летную теоретическую школу надо было пробежать три километра. Когда мальчишки бегали наперегонки, Марку Кугису всегда доставалось последнее место. Он предпочитал отсиживаться и выдумывать что-нибудь про натертую ногу, но зато после поощрительно хлопал по плечу победителей в беге.

Теперь отсидеться было невозможно. Он подал заявление, и его допустили к испытаниям. Пришлось тренироваться. Он тренировался насовесть. Когда стартер махнул флажком, Кугис уже не боялся за свой результат. Он обошел всех еще на первом круге. На втором километре у него порвалась туфля. Он отшвырнул ее в кусты и кончил дистанцию босиком. Но кончил!

Кугис попал в летную школу. И как лучший был оставлен в ней же инструктором.

Вот он роется на толкучке среди аляповатых дореволюционных журналов. Случайные снимки: биплан Фармана — утлое, корявое сооружение из щепочек, едва обтянутых какой-то материей. Первая мертвая петля авиатора Нестерова. Тупорылый «Илья Муромец» Сикорского.

Кугис, не торгуясь, платит за связку журналов и бережно прикрывает плащом пожелтевшее от времени сокровище. Накрапывает дождь.

Когда Кугис был четырех-пятилетним ребенком, он выбегал на улицу всякий раз, едва слышался шум автомобильного мотора. Его трехлетняя дочь уже не подымает голову, даже когда слышит над собой самолет. Время движется очень быстро. И как овладеть стремительной перспективой, если не вглядываться в окостеневшее прошлое и не сравнивать его с живым сегодня?

Кугис чуть заметно улыбается. Журнал «Нива». Блерио снижается в Дувре после рекордного перелета через Ламанш. Ширина Ламанша — 32 километра, и перелетом через пролив шириной в 32 километра установлен мировой рекорд дальности полета! Это было меньше тридцати лет назад.

...В этот выходной Кугис не выйдет из своей комнаты. Он до самого вечера будет вырезывать старые снимки и аккуратно наклеивать их в альбом. Перспектива? Вот она!

Ветер щиплет вату облаков на струящиеся пушистые волокна. Самолет тянет их за собой в ослепительную голубизну неба. Альтиметр отсчитывает высоту уже километрами. Летчик выглядывает за борт: земля потускнела, она стала серой и плоской. Он поправляет меховую подкладку очков (она назойливо щекочет скулы) и доотказа отдает от себя ручку управления. Машина прет вверх почти отвесно.

...Сверху доносится далекое щелканье кузнечика. Когда кузнечик начинает стрекотать настойчивее, в небе стремительно вспыхивает приближающаяся вертящаяся точка.

Раскинув крылья, на землю мчится истребитель. Люди на мгновение задирают головы, а в глазах их мечется испуг, вот они уже готовы ринуться врассыпную, вжаться ничком в пыльную дорогу...

Едва не разворотив крыши домов, самолет резко меняет угол. Так, разогнав с ледяной горы салазки, ребята умеют мгновенно поворачивать их.

«Однажды я испытывал самолет. У него отломились крылья, и я выпрыгнул с парашютом. Я убежден, что следившие за мною с земли были потрясены больше, чем я. Я был слишком занят».

Это пишет Джимми Колинз, коммунист, американец, выдающийся мастер пилотажа. Живи он у нас, он был бы Чкаловым. Он летал без отдыха, летал через силу, чтобы добыть денег на жизнь, и в один из полетов разбился. Ему нельзя не верить. Но все-таки, на последнем витке штопора, перед тем, как выбрать ручку (пусть даже в тысячный раз!), — все-таки сердце екает, а дыхание — захватывает.

Правда, штопор — фигура высшего пилотажа. Ломовую III-2 в штопор не вводят. И (как ломовик же) учебный самолет знает только про-

Фото Э. Евгерихина.

Артиллеристы на тактических занятиях.

стейшее: взлет, круг, посадка. Ну, в крайнем случае, — разворот, вираж.

Инструкторы иногда обидно сравнивают себя с учебными машинами. Обыкновенно это случается тогда, когда за день пришлось сделать больше двадцати полетов и нехватило времени даже на одну папироску, когда газеты приносят известия о новом рекорде бывшего товарища по школе (а инструктору некогда ставить рекорды), когда отстающий курсант, в десятый раз пробующий совершить посадку, все-таки отдает ручку раньше времени и делает посадку с «козлом». Тогда инструктор завистливо глядит на кувыркающихся в поднебесье породистых истребителей.

Вот и Кугис зло бросает в бочку с водой недокуренную папиросу и дает разрешение на вылет Ситницкому.

Что выкинет Ситницкий в воздухе? Он пришел к Кугису не к первому, а к последнему: все инструкторы, у которых он занимался раньше, отказались от него: «Безнадежен, боится летать», — говорили они.

До сих пор Кугис не отчислил ни одного человека. Курсанты, перебирая в разговорах между собой фамилии инструкторов, к его имени всегда прибавляют: «Это тот, который не отчисляет». Какому инструктору охота расстаться с такой славой?

Кугис взял Ситницкого к себе в группу. Не будем скрывать: он был не очень рад этому. Пришлось забросить радио — два самодельных приемника покрывались дома пылью. Он начал пропускать даже репетиции «Евгения Онегина» в ДКА. А как репетировать «Онегина», когда Ленский — на аэродроме?

Ситницкому не видно, как нервничает Кугис. Ситницкому показалось, что Кугис даже как-то небрежно дал разрешение на его полет, — а ведь это первый самостоятельный вылет! Один в воздухе! Впервые! И раз уж инструктор дал разрешение на вылет, значит, ему, правда, нечего бояться.

Ситницкий не знает, что небрежный вид Кугиса — напускной, что горячие капли пота выступают сейчас у Кугиса и что он по рассеянности отирает лицо не носовым платком, а случайно оказавшимися в руках оческами пакли. Откуда это знать Ситницкому? Сверху не видно, а в кабинке самолета он привык к Кугису спокойному, ровно делающему будничное дело и даже находящему время кинуть какое-нибудь острое (не разберешь: хвалит, ругает?) словцо.

Ситницкий делает посадку на «отлично». Кугис презрительно смотрит на истребитель, продолжающий крутить мертвые петли.

— Тоже мне... Бог!.. Вот ты попробуй Ситницкого обучить!

Он складывает в кармане дулю и ловит себя на этой мальчишеской выходке.

Ситницкий, сдерживая радостные шаги, идет к инструктору доложить, что задание выполнено.

Кугис старательно делает спокойное лицо, но не выдерживает и отвечает совсем по-домашнему:

— Слушайте, и ничего?

— Ничего, товарищ инструктор, уже не страшно...

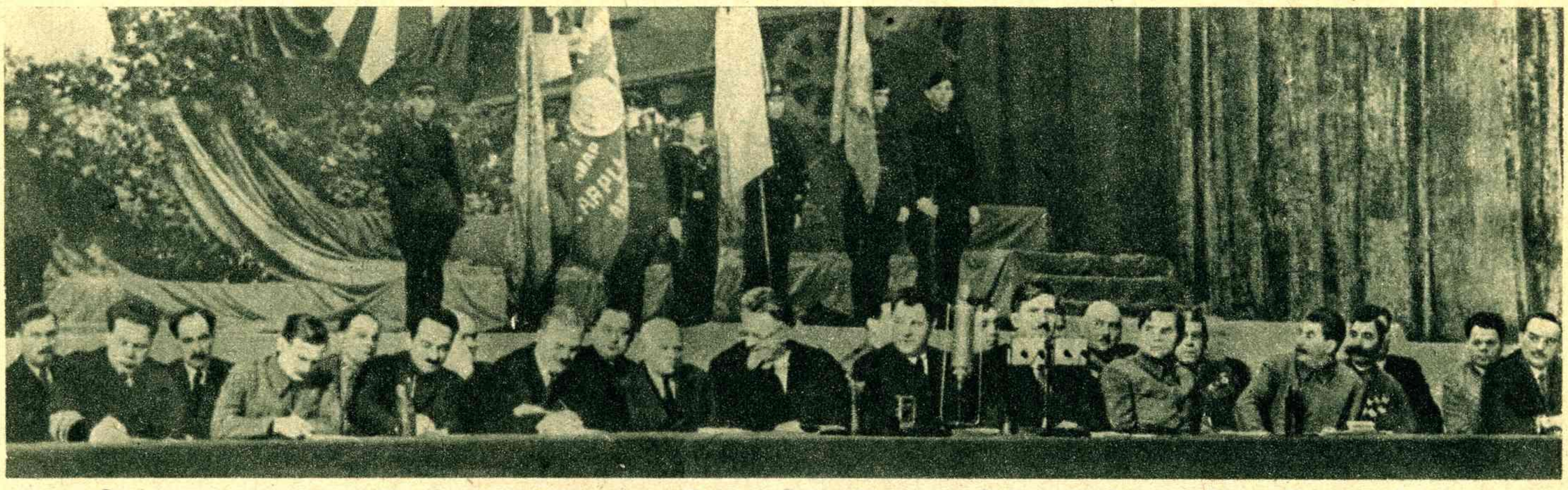
Они долго жмут друг другу руки, а затем идут проверять самолет. Перед тем, как влезать в кабину, Кугис тщательно очищает подметки от прилипших ракушек: машина любит чистоту.

Летчики-инструкторы Молоков, Ляпидевский, Доронин. Разве из другого теста сделан летчик-инструктор Кугис? Или Анфисов? Или десятки и сотни других их товарищей по работе — людей, профессия которых — героизм, причем героизм самый трудоемкий, кропотливый и каждодневный *.

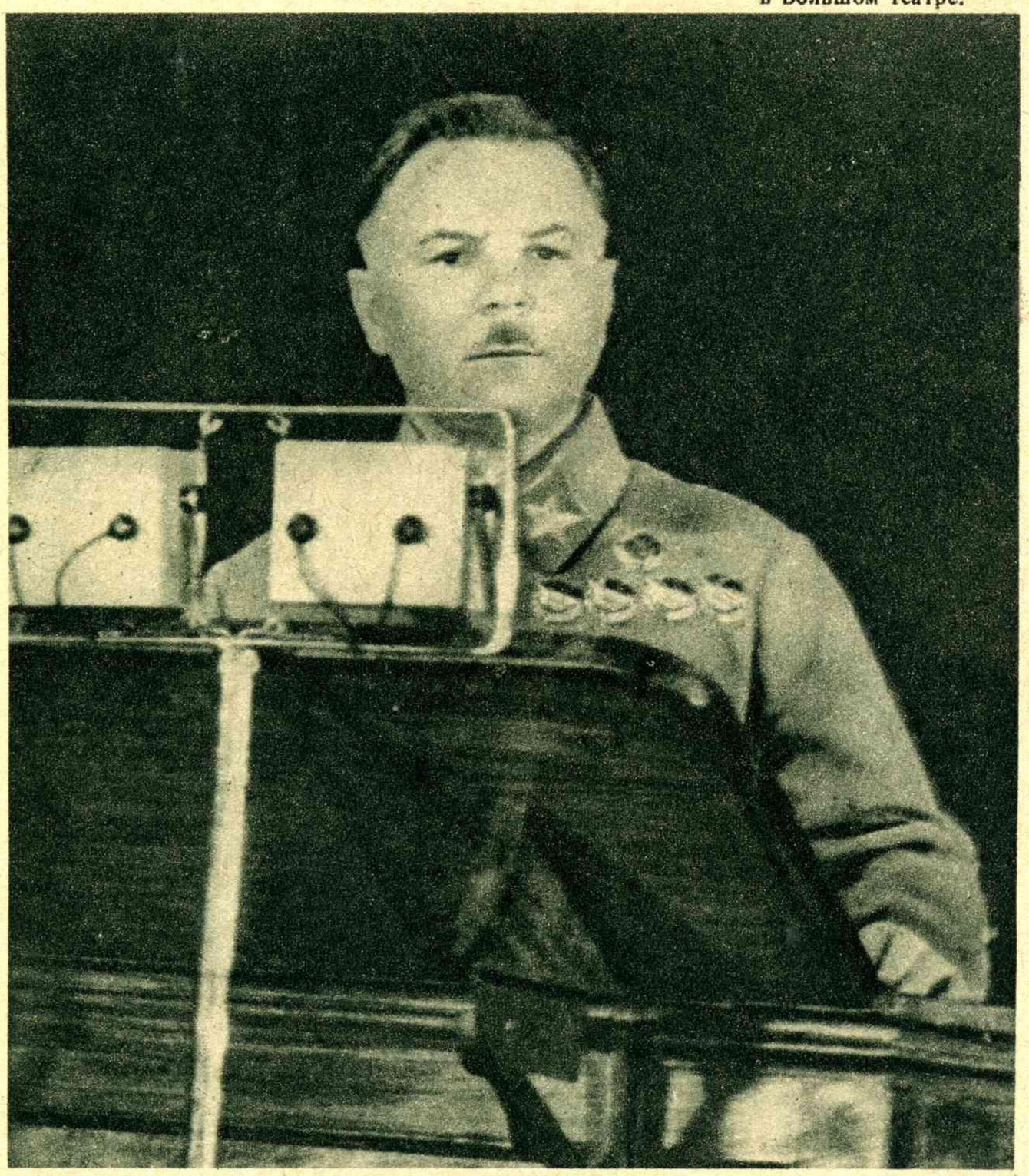
* Кугис — фамилия вымышленная. Когда я показал этот очерк товарищу, о котором пишу, он мне сказал: «Знаешь, что... Возможно, я действительно сделан не из плохого теста... Но тесто не расхваливают, пока оно не полилось через край. Если тебе не трудно, замени мою фамилию какой-нибудь другой».

Фото Л. Доренского.

Группа слушателей и командно-начальствующего состава Московской Краснознаменной и ордена Ленина Военной академии имени Фрунзе, награжденных юбилейной медалью „XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии".



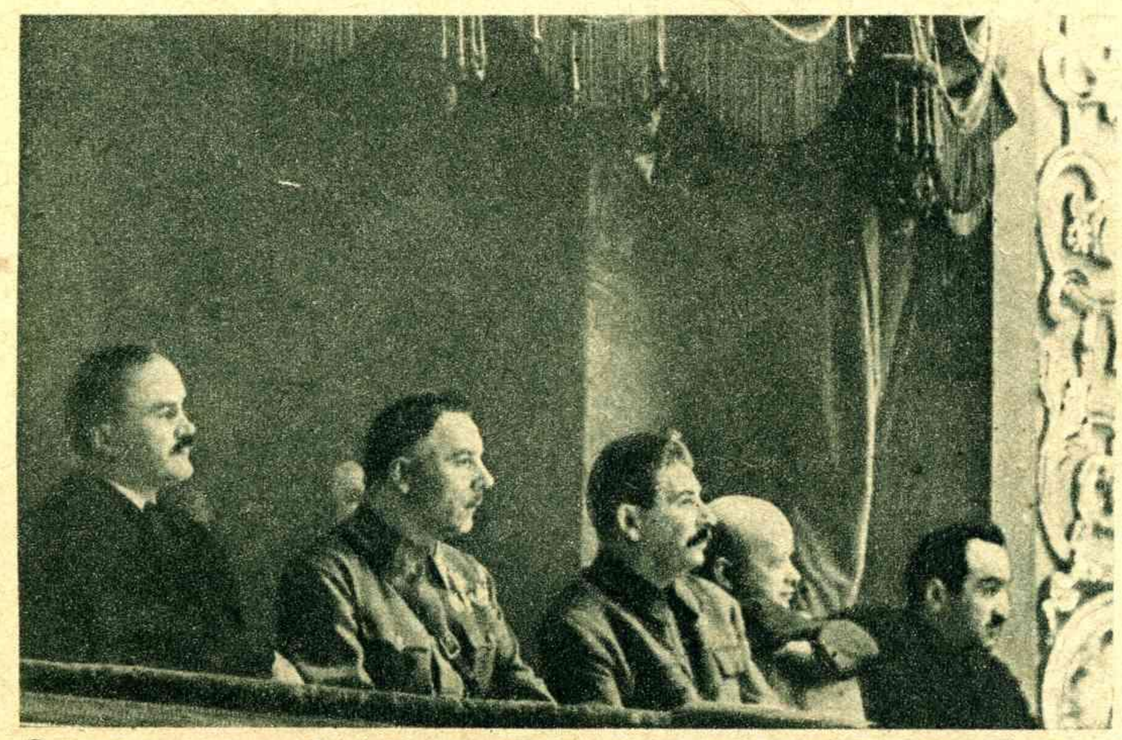
В президиуме торжественного заседания, посвященного 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, в Большом театре.



Народный Комиссар Обороны Маршал Советского Союза товарищ К. Е. Ворошилов выступает с докладом на торжественном заседании в Большом театре.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ М. И. Калинин вручает орден Ленина армейскому комиссару 2-го ранга товарищу Л. З. Мехлису.

Товарищ М. Ф. Шкирятов прикалывает орден Ленина Народному Комиссару Обороны Маршалу Советского Союза товарищу К. Е. Ворошилову.



В правительственной ложе во время концерта, посвященного 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. Слева направо: товарищи В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, С. В. Косиор и А. И. Микоян.

Казачий танец в исполнении бойцов и жен начсостава Н-ской Донской казачьей части Северокавказского военного округа.

В. МИЩЕНКО

На посту

Рис. И. Гринштейна

У колодца на посту стоит колхозник.

— Стой! Кто идет? — кричит он.

— Смена!

— Это ты, Семеныч?

— Ну, ладно! Сдавай пост!

— Что сдавать-то? Вон ведро, а вот кадка со скатертью. Ну, а колодец, думаю, никуда не уйдет.

— Это ясно, — сухо ответил Семеныч, — а пост ты все-таки сдай, как полагается.

— Как же тебе еще сдавать? Что пристал?

— Вот я достану водички, а ты испей — авось, успокоишься. И я спокоен буду.

— Да ты сдурел, чтоб я-то натощак воду пил!

Семеныч, не слушая доводов, приставил ружье к срубу и под скрип журавца достал воды.

— Пей! Не то пост принимать не стану.

— Ты что, или мне не доверяешь?

— Идиот, что ли, я какой, что в таком серьезном деле буду на-слово верить?

— Но мне же доверили охранять пост!

— Что заладил? Доверили, доверили, а я вот не доверяю. Понял? И учить меня нечего, бесполезно!

Часовой нехотя подошел к ведру; наклонив его, отхлебнул немного и, тяжело вздохнув, вытер усы.

— Ты брось притворяться, — выйдя из себя, сказал Семеныч. — Что лижешь, как кот? А ну, пей больше!

Часовой, видя, что старика не переспоришь, схватил обеими руками ведро, припал к нему и выпил солидное количество воды.

— Ух! — застонал он, — уморил, окаянный! Обидел ты меня, Семеныч, во как обидел. Ей-ей!

— Полно оправдываться, — сказал равнодушно Семеныч. — Теперь не такое время, чтоб на-слово верить. Стало быть, и обижаться нечего. Ты знаешь, что за штука пост? Это, брат, дело военное. Знаешь, кому воду пить придется? То-то оно! Возьми, к примеру, какой-нибудь шпион или вредитель, набросает всякой пакости в колодец, а ты, к примеру, не досмотрел, вот и нужно проверять друг друга.

— Ну, прощай, Семеныч, не поминай лихом!

— Так бы давно, — примирительно сказал Семеныч.

И «часовые» распростились друзьями.

Взошло солнце. За селом отчетливо ворчали моторы тракторов, перебивая друг друга. Осенний чистый воздух ласкал холодком.

Семеныч налил кадку водой, заботливо покрыл ее белой скатертью и, взяв ружье, встал возле колодца.

Улица расцвела по-праздничному одетыми колхозниками. Проходившие мимо Семеныча взрослые улыбались ему, а детвора бесцеремонно осаждала Семеныча, забрасывая его вопросами.

Подошел председатель.

— С добрым утром, Семеныч, — сказал он.

— Здравствуйте, Иван Григорьевич.

— Ну, как пост?

— Пост в порядке.

— Ко мне прежний часовой приходил. Жаловался, что ты его водой опоил. — Председатель засмеялся, а потом серьезно добавил: — Спасибо, Семеныч, хорошо поступил!

— Идут! Идут! — закричала детвора и вперегонки пустилась по улице. Председатель тоже поспешил встречать гостей. В конце улицы показалась колонна. Бойцы в запыленных гимнастерках шли в ногу, четко отбивая шаг. А по бокам бежали дети, шли взрослые, радостно приветствуя красноармейцев. Давно улица не была так шумна и радостна.

Семеныч видел, как председатель поздоровался с командиром, потом командир скомандовал бойцам, и они, сойдя с дороги, рассыпались, располагаясь в тени. Вот отделилась группа бойцов и, звеня котелками, бегом направилась к колодцу.

— Стой! — окликнул их Семеныч. — Давай сюда командира!

— Командира! Командира к колодцу! — передали бойцы. К колодцу шел командир батальона с председателем. Председатель ему о чем-то рассказывал, а комбат смеялся.

— Здорово, старик! — сказал комбат, подавая ему руку.

— Здравия желаю! — ответил Семеныч.

— Что скажешь?

— Для порядка позвал вас. Можно воду давать товарищам красноармейцам?

— Можно, можно! — А потом комбат, обратясь к старшине, приказал:

— Сменить старика, мы с ним поговорим!

Семеныча сменили, и он пошел с комбатом к красноармейцам.

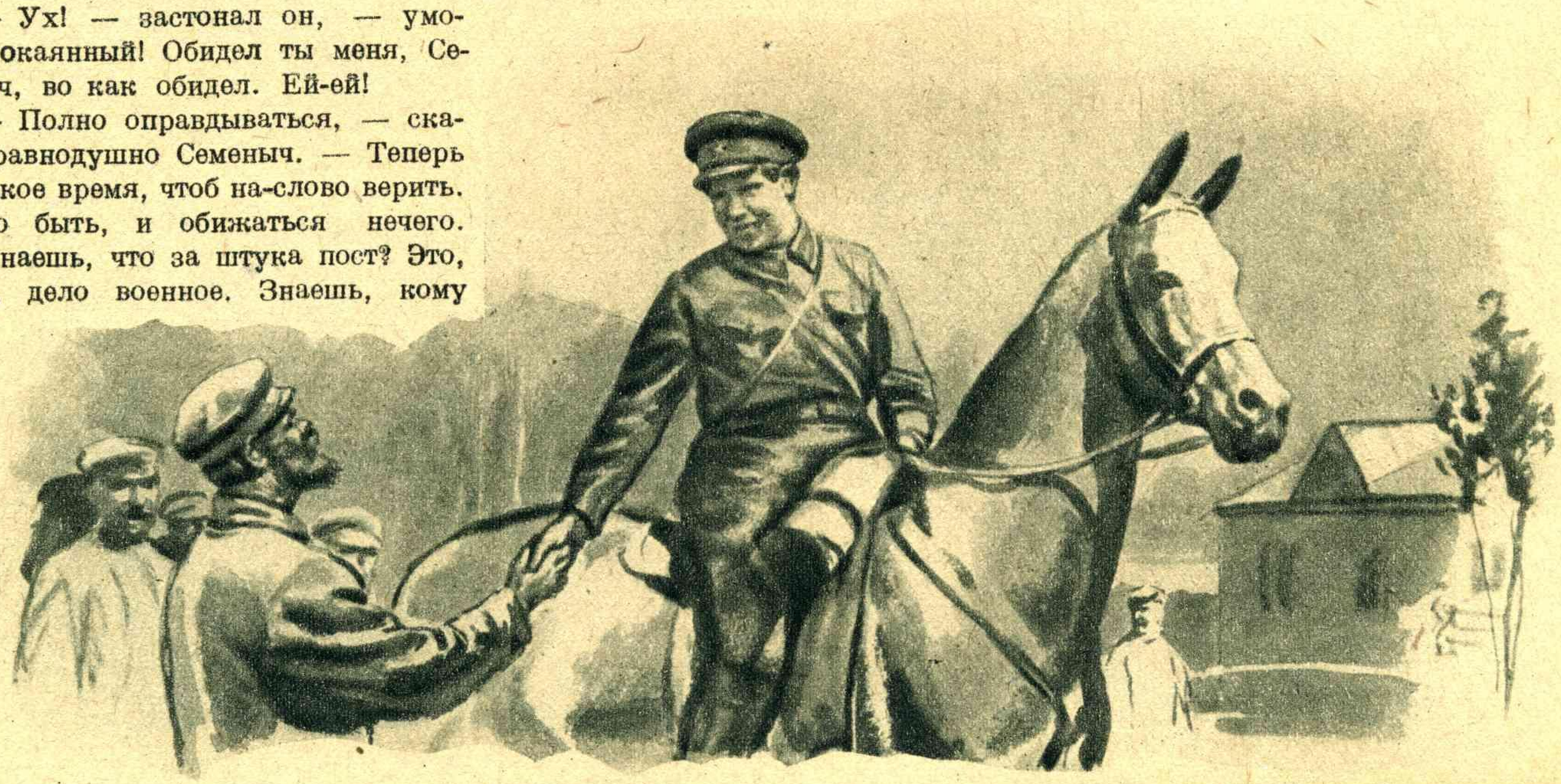
— Товарищи! — говорил комбат. — Мне только что рассказал председатель сельсовета, как Семеныч бдительно отнесся к посту, который ему поручили охранять. Сейчас у нас маневры, но это не значит, что враг не может нам вредить. Семеныч, помня это, показал, как нужно быть бдительным. — И комбат рассказал, как Семеныч принимал пост.

— Ура!

Бойцы стали качать Семеныча.

Когда колонна тронулась, комбат подъехал к Семенычу на лошади.

— Спасибо, старик, за твою любовь к нам! Мы спокойно будем продолжать учебу: нас оберегают надежные люди.



— Спасибо, старик, за твою любовь к нам

Г. КУБАНСКИЙ

ПОБЕГ

*ИЗ ПОВЕСТИ**

Рис. В. Высоцкого

Конвой сомкнулся вокруг арестованных плотным кольцом.

Под утро сквозь крепкий сон Ганька услыхал зычный окрик:

— Подымайсь!

И тут же его принялись расталкивать.

Ганька с трудом открыл глаза и увидел над собой широкую рыжую бороду. Будил его старый казак — первый знакомый по камере. Ганька соскочил с нар, и как раз во-время. Тот же зычный голос скомандовал:

— На поверку, стройся!

Заключенные торопливо построились в одну шеренгу. На правом фланге, развернув широченную грудь, туго обтянутую полосатой тельняшкой, стоял огромный черноволосый матрос. На левом виднелась невозмутимо вежливая физиономия Франека. За ним, последним, стал Ганька.

Посреди камеры стояло четверо солдат: один, с тремя белыми нашивками по красному погону, — старший унтерофицер, остальные — рядовые.

Скрестив руки на груди, унтер переждал немного, пока заключенные притихли.

— Староста!

Из ряда вышел высоченный парень, исхудалый и нескладный. Его арестовали в памятный для Ганьки вечер, в общественном собрании. Парень упорно запирался, не признавал себя виновным в разбрасывании прокламаций. Свой арест он объяснял недоразумением.

— Меня еще мальчишкой вечно наказывали за других. Сами видите, человек я какой, заметный. В школе бывало: кто бы чего ни натворил, а меня за ухо. Такого, как я, издали видно.

Заметного человека назначили старостой камеры. Трудно было сразу понять: был ли этот верзила простоват или плутоват, труслив или смел. Свои обязанности он выполнял хорошо. Начальства не боялся. Это помогало ему скрывать от тюремщиков все, что происходило в камере. С ним можно было сговориться.

Унтер уставился своими крохотными табачного цвета глазками в вытянувшегося перед ним верзилу.

— Ты, староста, наряди людей кухню топить, камеру убирать, нужник чистить. Кому сегодня работать?

Староста пошел по ряду, показывая пальцем.

— Этот и этот... на уборку. Рыжая борода кухню топить...

Из ряда выступили: пожилой казак, огромный черный матрос, дезертир с пухлым бабьим лицом и какой-то молодой парень с лицом, покрытым кровоподтеками. Последним вызвали Сергея.

— А ну, господа комиссары, — ухмыльнулся унтер. — Выноси парашу.

Всех заключенных он называл комиссарами.

Покончив с нарядами на работу, унтер обратился к заключенным с короткой, но выразительной речью:

— По поручению их высокоблагородия господина коменданта арестного дома полковника Май-Бороды, — он перевел дыхание и внушительно помолчал, — предупреждаю всех вас. Имеется приказание свыше... — опять многозначительное молчание — разобраться со всеми подследственными в двое суток. Это, стало быть, кого куда пустить. Сегодня можете еще подумать, а завтра начнется разборка. А чтобы думалось вам легче, без помех, мы сведем вас сегодня на кручу. Там вы увидите, как у нас разделываются с изменниками отечества. Это будет для вас и прогулка и образование. Вот тебе, староста, список, — продолжал унтер. — К месту казни пойдут тридцать два человека. Остальным сидеть тихо, с просьбами караулу не докучать, потому как для вас, чертей, нянек не полагается. Поняли?

Унтер передал старосте листок, где были перечислены участники предстоящей «прогулки». Из пятидесяти с лишком заключенных в камере в список попали тридцать два, в том числе и сам долговязый староста.

Унтерофицер вышел. За ним, топая, по привычке, грузными сапогами, двинулись к двери солдаты. Подхватив тяжелую парашу, потянулись следом и назначенные на работу арестованные.

Попрежнему тускло светила с потолка угольная лампочка, вся в паутине, как в матовом, грязном колпаке. На дворе светало. Полоски неба в окнах окрасились в синее. В камере стало тихо. Слышно было, как дежурные возили по полу пучками прутьев, заменявших им веники. С пола подымалась удушливая вонючая пыль...

Первыми вернулись в камеру матрос и солдат с пухлым бабьим лицом. Они втащили опорожненную парашу. Скоро вошли и остальные: Сергей, рыжебородый станичник, молодой парень с лицом, покрытым почерневшими кровоподтеками. Все они собрались в кучку на нарах. Подошел к ним и долговязый староста. Сергей взял у него список, в котором оказался и Ганька.

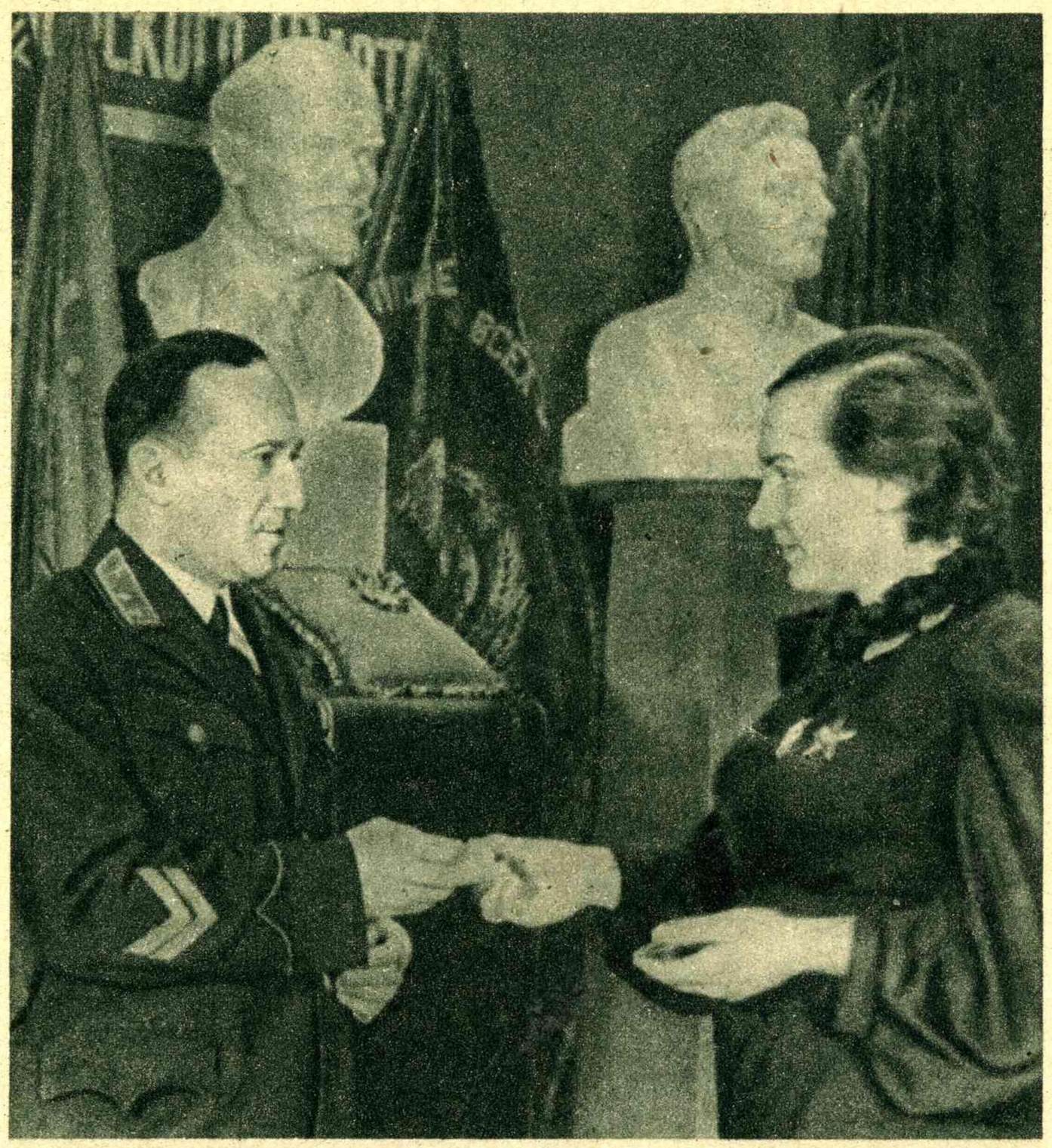
Солдат отвернул полы шинели и показал длинные холщевые карманы, туго набитые золой. За ним вывернули карманы и остальные. На деревянном настиле выросла порядочная горка золы и песку.

Заключенные подходили поодиночке. Взяв несколько пригоршней золы с песком, они возвращались на свои места. Некоторые, не жалея, примешивали к этой смеси остатки своего табаку. Все это делалось в полнейшей тишине.

— Ты, браток, смотри в оба за нами, — сказал Ганьке матрос. — Как услышишь свист, так и лупи во всю прыть, ни на кого не глядя.

* Действие повести происходит на черноморском побережье Кубанской области в 1919 г. Мальчик Ганька оказался в белогвардейской тюрьме среди арестованных.

Фото В. Иванова и В. Покровского.



Депутат Верховного Совета СССР тов. В. С. Гризодубова вручает юбилейную медаль „XX лет РККА" начальнику Военно-воздушной ордена Ленина академии им. Жуковского комдиву тов. З. М. Померанцеву.

В коридоре глухо зазвучали тяжелые солдатские шаги. Заключенные поднялись, готовые по первому слову унтера построиться и выйти во двор. Некоторые прощались с остающимися...

Во дворе тюрьмы, кроме заключенных в особой камере, собралось еще человек сорок. Несколько позже вывели из соседнего корпуса шесть женщин. Все они были молоды и перепуганы. Ганьке бросились в глаза их измятые простенькие платьица. У одной из них он заметил на ногах стоптанные шлепанцы.

— По четыре в ряд стройся!

Ганька потянул за руку Сергея.

— Молчи! — рассердился Сергей. — Нашел где болтать.

Они стали рядом. Около них очутился огромный черноволосый матрос. Едва сдерживая радость, он тихо сообщил Сергею:

— Тут еще наша братва есть. С «Трех святителей» пятеро, да человек семь с других судов. Я успел шепнуть ребятам. Готовятся.

Ганька заметил, как один из арестантов, широкоплечий, с короткой жилистой шеей, нагнулся, делая вид, будто бы зашнуровывает ботинок, и украдкой спрятал в рукав бушлата небольшой булыжник.

Ганька понял, зачем незнакомый моряк прятал булыжник. Радостное чувство охватило его. У него есть друзья, умеющие сговариваться, несмотря на все тюремные строгости. Он волновался, часто облизывал пересохшие губы. Они были шершавы и неприятны, словно покрылись остывшим жиром. Лица соседей по ряду были серьезны. Ганька нащупал в карманах золу и песок. Подумав немного, заранее набрал полные горсти.

В толпе, построившейся на тюремном дворе, больше всего было дезертиров и матросов. В то время матросов арестовывали на берегу подряд, не спрашивая, кто они и откуда. «Раз матрос, — говорили белогвардейцы, — значит большевик». И они не ошибались. Матросы поголовно поддерживали советскую власть. Еще хуже было положение беглых солдат из белогвардейских частей. Глядя на измученных полуодетых дезертиров, Ганька вспомнил, как ночью, в камере, он сквозь сон разобрал слова солдата с рыхлым бабьим лицом:

— С нашим братом разговор короток: заберут, подержат в тюрьме, поспрошают, где скрывался, да кто подбил бежать. А там... шинелишку, сапоги снимут и прощай... — в расход.

Конвой сомкнулся вокруг арестованных плотным кольцом. Солдаты стояли, почти касаясь их штыками опущенных винтовок.

— Ш-шаго-ом... — Начальник конвоя отступил немного назад, оглядел колонну. — ...арш.

Тронулись. Впереди несколько унтерофицеров с обнаженными клинками, за ними начальник конвоя — капитан Бейбулатов.

Позади потянулись заключенные, окруженные частой цепочкой солдат.

Медленно растворились широкие двустворчатые ворота. Колонна вышла на иссохшую, ухабистую дорогу.

Тюрьма стояла в стороне от маленьких окраинных хатенок. Дальше шло поле, покрытое выжженной солнцем желтой травой. Кое-где на нем выделялись чернеющие четырехугольники пригородных огородов. Заключенных вели к круче — небольшому холму, расположенному над быстрой, мутной рекой. Там помещались казармы формирующегося в городе юнкерского батальона. Там же приводились в исполнение смертные приговоры. Около восьмидесяти арестованных должны были быть свидетелями очередной расправы.

— Прибавь шагу! — скомандовал Бейбулатов.

Навстречу медленно тянулась груженая мешками можара.

Шагавшие впереди унтеры замахали обнаженными клинками. Можара свернула с дороги и остановилась на обочине. Станичники привстали на ней, разглядывая помятые, обросшие лица заключенных. Старуха, сидевшая на передке, опустила вожжи и стала креститься.

Чем дальше отходила колонна от тюрьмы, тем больше волновался Ганька. Он старательно забирал в горсти побольше песку. В одном ряду с ним шли Сергей, огромный черноволосый матрос в черном бушлате и вылинявшей тельняшке и незнакомый парень — судя по костюму, осыпанному мукой, — рабочий с мельницы.

— Прибавить шагу! — снова прикрикнул Бейбулатов.

Они опаздывали к месту. Бейбулатов сердился и подгонял свою команду. Арестованные зашагали быстрее. Зато конвоирам пришлось плохо. Они шли с винтовками, направленными на арестантов, почти боком. Спешить в таком положении было очень неудобно. Кольцо конвоя не было уже таким стройным и плотным, как после выхода из тюремных ворот.

Ганька почувствовал легкий толчок в бок. Оглянулся. Встретился с глазами Сергея. Понял его сразу и принялся осматривать местность. По левую руку от Ганьки тянулся городской выгон. Там паслись коровы. За выгоном подымалось солнце. Оно слепило глаза, мешало смотреть.

Ганька сложил ладонь козырьком и прикрыл глаза. Коров только пригнали на пастбище. Они еще не успели разбрестись по полю и держались вместе. Направо — шагах в пятидесяти от дороги — выстроились в ряд несколько хаток, огороженных плетнями. Чистые, старательно выбеленные известью стены под лучами утреннего солнца казались розоватыми...

Вдруг в конце колонны раздался короткий, резкий свист. Дрогнули конвоиры, обернулись назад. Не успев даже подумать, рванулся Ганька в сторону. Как сквозь сон, услыхал за собой многоголосый нестройный крик и брань. Кто-то толкнул его в спину. Стараясь удержаться на ногах, он огромными скачками помчался вперед. Мельком заметил упавшего конвоира, подошвы его сапог, подбитые крупными гвоздями. Недружные выстрелы подогнали Ганьку. Стремительно мчался он к большому стаду. В полуоткрытый рот бил встречный ветер. Дышать было трудно. В глазах, от слепящих лучей подымающегося солнца, заходили зеленые пятна...

Сговор был выполнен блестяще. Натиск заключенных был короток и неудержим. Часть конвоиров арестованные сбили с ног, другим засыпали глаза золой и песком, остальных заставили только покачнуться. Этого оказалось достаточно, чтобы вырваться из кольца конвоя. Нападение заключенных было настолько внезапно и стремительно, что даже те, кто не готовился к побегу, все до единого пустились бежать. Одиночные беспорядочные выстрелы не могли остановить беглецов, а, наоборот, заставили напрячь все силы, чтобы скорее уйти, скрыться...

Бейбулатов выхватил из кобуры наган и открыл огонь по убегающим.

Конвоиры стреляли почти наудачу. Низкое утреннее солнце слепило глаза, отражалось на штыках и стволах винтовок. Дико кричал что-то Бейбулатов, бегая между солдатами с разряженным наганом. Его голос терялся в нестройной пальбе. Унтерофицеры свернули с дороги и, подняв обнаженные шашки, пустились, было, в погоню за беглецами. Около них засвистали пули своих же солдат. Пришлось унтерам лечь на землю и ползком уходить из-под обстрела.

Ганька летел во всю прыть. Перед собой он видел только гладкие бока коров, их морды с мутными синими глазами, вытаращенными на бегущих людей. Ганька забежал за одну из них и оглянулся.

Солдаты успели оправиться после первого замешательства. Стреляли они чаще, целясь с колена. По выжженному солнцем желтоватому полю веером рассыпались беглецы. По ветру развевались легкие летние платья женщин. Кое-где темными пятнами выделялись упавшие. Несколько человек лежали неподвижно. Другие пытались хоть ползком уйти от гремевших выстрелов, отыскать какую-нибудь ямку, где можно было бы укрыться, стать незаметными для стрелков.

По другую сторону дороги, около домика, крытого свежей, отливающей на солнце золотом, дранкой, споткнулся огромный черноволосый матрос. Он пошатнулся и, как слепой, двинулся вперед мелкими нетвердыми шажками. Его длинные руки судорожно загребали перед собой воздух, пока не уперлись в стену. Постоял матрос около нее, словно думая, как быть ему дальше, потом медленно сел и повалился навзничь, широко раскинув большие, сильные руки.

Прямо на Ганьку бежали солдат с пухлым бабьим лицом и Франек. Дышали они часто и хрипло. В руке у Франека была половинка где-то подобранной подковы. На блестящем серебристом металле задержалось несколько бледнорозовых капелек.

Ганька опомнился. Он припустил прочь от гремящих в утреннем воздухе выстрелов, стараясь забыть страшную смерть матроса и людей, упавших под пулями конвоиров.

Рядом с Ганькой, неуклюже подбрасывая ноги, скакали перепуганные пальбой коровы. Напружинив тугие хвосты, бежали они по выпасу, как слепые, сталкиваясь друг с другом. Большая красная корова повалилась перед Ганькой и заскребла сухую траву вытянутыми несгибающимися ногами. У другой пуля расщепила рог, и по белой морде катились крупные розовые капли.

Перескочив через мычащую корову, Ганька заметил, что около него никого не было. Дыхание у него установилось. Теперь он бежал легко и быстро, высматривая, где бы укрыться от погони.

Неожиданно Ганька увидел перед собою широкую, мутную реку. Высокий глинистый берег опускался к ней большими увалами. Прыгая с уступа на уступ, спустился Ганька к воде. Скинув на ходу курточку, он, не останавливаясь, бросился вниз головой в теплую утреннюю воду.

Стремительное течение сильно сносило вниз, захлестывало голову. Ганька энергично рассекал воду саженками. Он спешил на другую сторону реки, сплошь заросшую густым рослым камышом. Там можно было отсидеться от любой погони.

Ганька добрался до противоположного берега реки. В нескольких шагах от него волновался под ветром камыш вперемежку с одинокими стеблями ракитника. Тяжело дыша, Ганька стал на ноги. Мутная вода бурлила у его бедер. Усталые мускулы покраснели и мелко дрожали. Осторожно, боясь свалиться под напором течения, зашагал Ганька к большой заводи, сплошь заросшей камышом. Разгребая перед собой воду, он вышел на мелкое место. Зеленая стена расступилась с тихим шелестом и скрыла за собой мальчугана.

Одиночные, беспорядочные выстрелы не могли остановить беглецов.

Макс ЗИНГЕР

Встречи

Рис. С. Зелихмана

Корабли стягивались к проливу Вилькицкого с востока, к воротам из моря Лаптевых в Карское. Они шли, закончив разгрузку у Колымы и Лены. Оставалось пробиться на запад, к Диксону, и ледовое плавание заканчивалось успешно.

Корабли расчетливо жгли уголь. Каждое судно вывело из действия по одному котлу. Электрический свет давался ограниченное время в сутки. Полынья, в которой стоял караван, покрылась снежурой и вслед затем блинчатым льдом. Казалось, что на воде в изобилии раскиданы большие жирные блины. В одни сутки все подмерзло. За день до того еще вились над полыньей у судов одинокие чайки. Но как только последняя полоска воды затянулась мутно-ледяной коркой, исчезли и эти неугомонно-крикливые птицы. Люди выждали, пока лед окреп, и стали ходить с парохода на пароход, гостевать, обмениваться новостями, подслушанными в эфире. Среди торосов, спаянных молодым льдом, на глубоком свежем снегу обозначились рыжие извилистые тропы, проложенные моряками.

Наступала третья декада сентября, и все яснее обозначалась неизбежная зимовка. До ледоколов и угля было далеко — сотни ледяных миль. По утрам расспрашивали друг друга о том, кому что снилось. Эти рассказы служили добавлениями к радионовостям и обсуждались не раз в кают-компании и в столовой почти каждого корабля.

В красном уголке парохода «Восток» с утра и до вечера шипел патефон. Каждый из команды имел свои излюбленные пластинки. Но чаще всего заводилось «Сомнение» Глинки. Слова в исполнении Шаляпина: «Минует печальное время, мы скоро обнимем друг друга...» — находили благодарный отклик в сердцах многих.

Каждый все еще надеялся, что вот грянет штормовой зюйд-вест или зюйд-ост, но только обязательно штормовой, и разломает, разведет лед, откроет кораблям дорогу. Необычайное и неожиданное всегда волнует человека... Поэтому и разговоры часто сводились на темы о необычайном. Всем хотелось этого необычайного. И как-то легче проходило время в этой уверенности, что грянет ветер, разведет льды, и «Восток» снова пойдет после долгих дней вынужденного ледового дрейфа.

Разговоры в столовой команды охотнее велись после ужина. За иллюминатором уже синели сумерки. Темное небо садилось низко, и на лиловом горизонте ясно вырисовывались островерхие ропаки-торосы.

— Мне не впервой здесь зимовать, — сказала синоптик Вольнова, которую все на «Востоке» звали «Сережей», потому что ходила она по-мужски в ватных брюках и сапогах.— Я здесь зимовала год назад. Места интересные. Много медведей...

— А ну, ну, «Сережа», травани нам что-нибудь такое необычайное, — предложил профорг матрос Завьялов, — про какую-нибудь интересную встречу, что ли...

И «Сережа» рассказала о своей встрече с медведем.

— Вот это номер, чтоб я помер,— сказал Завьялов, выслушав рассказ и недоверчиво щуря левый глаз. — Кто вам поверит, тот и года не проживет.

«Сережа» сконфузилась и отошла. Она никак не могла привыкнуть к судовой обстановке, к «подкусам» и «подначкам». Она недолюбливала обычных в судовой жизни шуток и все принимала всерьез. Напрасно капитан, поседевший в полярных рейсах, упрашивал ее смелее отвечать на «подкусы». Она отмалчивалась или уходила к себе в каюту.

«Сережа» вспыхнула и уже собиралась было уходить к себе, как ее остановил Завьялов.

— Это что за встреча с медведями! Нет, вот послушайте, что я вам расскажу о встрече с человеком...

Завьялов умел рассказывать, и команда любила слушать своего профорга. Он, казалось, никогда не унывал. Для каждого находилось у него какое-нибудь теплое словечко.

В столовой затихло, только слышалось постукивание домино. Люди приготовились слушать Завьялова.

— Жил я в Питере, на Большой Охте, в маленьком домишке. Охта тогда была еще слабо заселена. Домишко стоял на самой окраине, где начинались уже деревни. Теперь там кругом все застроено давно. В нашем доме жили соседи: немец-рабочий с женою. Родилась у них дочка. Долго думали, как назвать, с матерью моей еще советовались. Помню: я расплакался. Хотелось мне, чтобы назвали ее Лилей. Почему, и сам не знаю. Мало ли что придет в голову блажному ребенку! А было мне лет восемь. И вышло по-моему. Я Лилю возил в колясочке, нянчил, забавлялся. Девочке должно было исполниться уже пять лет. Стал я просить у отца денег на подарок. Думал купить что-нибудь сладкое. Отец работал на заводе, семья была большая, зарабатывал немного. Мне отказали в моей просьбе. Но в самый день пятилетия Лили отец передал мне маленький золоченый медальон на цепочке. В медальон были вставлены миниатюрные портреты — мой и Лилин. В те годы я такой красоты еще не видал.

Я был снят в матросском костюмчике, хороший, кучерявый мальчишка.

— Это подарок для Лили от меня и тебя,— сказал мне отец.

Лиля приняла подарок восторженно. Она побежала к своей маме, кричит:

— Смотри, что мне мой жених подарил!

Она раскрыла медальон.

После революции в Германии Лиля уехала вместе с родителями на родину ее отца. Прошло много лет. Я стал моряком. В одном из рейсов нам пришлось брать в Бремене доменную печь в разобранном виде для отправки в Мариуполь.

Стоянка в Бремене была продолжительной. Фасонные кирпичи заворачивали в солому и грузили с большими предосторожностями. Тогда время было другое — советские пароходы весьма радушно встречались в немецких портах. Вечером после работы пошел я с товарищем в ресторан. По-немецки мы могли сказать только: Guten Tag! *; Zwei Bier! ** Вот и весь разговор. Рядом с нами сидела компания молодых людей, среди них две девушки. Мы пришли без дам и, по принятому обычаю, могли приглашать дам на танцы с любого столика. Я выбрал блондинку с темными глазами. Первый танец прошел оживленно: она знала немного по-русски, а я столько же по-немецки. Во время второго танца у нее выбился спрятанный на груди под платьем медальон. Он был старый, потертый, звенья цепочки стерлись от времени. Я стал просить, чтобы она открыла мне его.

Она таинственно улыбнулась, погрозила пальцем:

— Это секрет! Это большой секрет!

После танцев мы прогуливались по саду. И она раскрыла мне медальон. В нем были две детские головки. Мне показались они знакомыми, только никак не мог припомнить, где и когда я их видел.

Я спросил ее:

— Кто этот мальчик?

— Дас ист майн либэ, либэ бэби! — ответила она, указав на портрет мальчика в матросске.

Я со смехом ей сказал:

— Дас бин их!

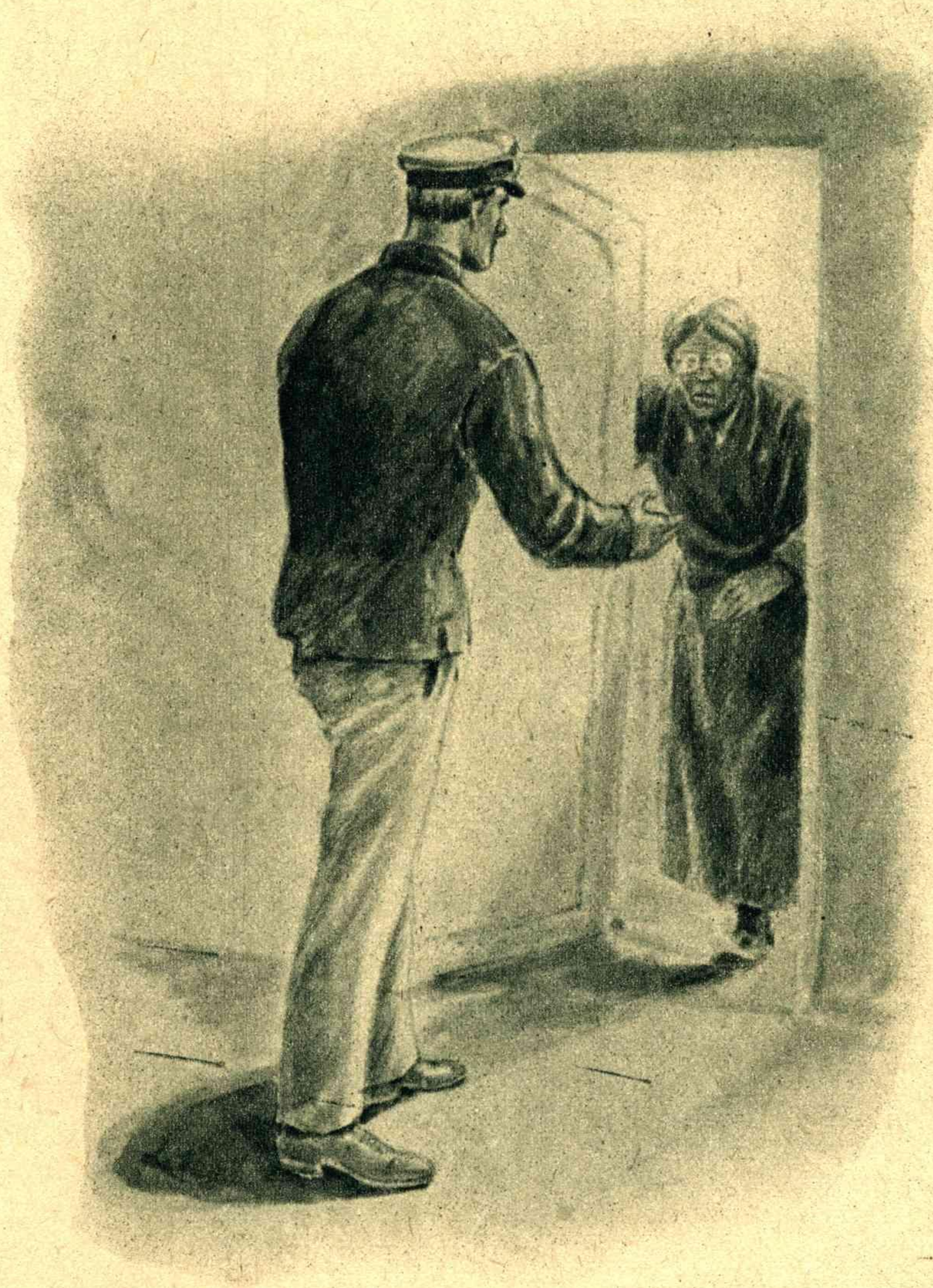
Она посмотрела на меня.

— Но! Но! Это не Николя!

— Это я, это я! Их! Их!

Она смотрела то на портрет, то на меня и хохотала.

— А скажите, как зовут мою маму? — вдруг строго спросила она по-немецки.



Мне открыла дверь изможденная старушка.

— Ольга Ивановна, — твердо ответил я, поняв вопрос.

Девушка была немало смущена.

— А отца?

— Оскар Карлович.

Она взяла меня за кудри и сказала в раздумье:

— Нет, это не тот Николя. У моего Николя волосы были мягкие, как шелк, — тут она дотронулась до своей шелковой кофточки.

— Уан момэнт! — сказала она вдруг по-английски, зная, что морякам обычно более понятен английский язык.

Тут она пошла к телефону, с кем-то быстро переговорила, и мы вместе поехали с ней домой.

Мы поднялись на второй этаж, вошли в комнату. Она приложила палец к губам, давая мне этим знак молчания. На стене висело много фотографий. Среди них я узнал и себя в увеличенном детском портрете. Она побежала за матерью, сказала ей что-то по-немецки. Потом вместе подошли ко мне. Мать подала мне руку.

— Дас ист Николя! — сказала она, пристально посмотрев на меня, и заговорила по-русски (она была урожденная русская). — Ты такой же, как и был, только вырос и возмужал!

Тут стала она выговаривать дочери по-немецки. Она упрекала дочь в том, что та привела в дом человека, не будучи уверенной, что это ее знакомый. Лиля смущалась и краснела, как в детстве...

Отец пришел с завода поздно ночью. Он не сразу узнал меня. Мы стояли в Бремене долго, и я по вечерам часто захаживал к ним. Потом мы ушли в Мариуполь. В Бремен попал я не скоро. В ресторан, где мне привелось встретиться с Лилей, я не ходил. Это место стало сборищем фашистских молодчиков. Когда свечерело, я поехал к Лиле домой. Мне открыла дверь изможденная старушка. Я с трудом узнал Ольгу Ивановну, так она изменилась. Она провела меня в комнаты и шопотом сказала, что Оскару Карловичу, мужу ее, срубили голову на гитлеровской плахе, Лиля — в концлагере, а ей самой, старухе, предстоит выселение на-днях из Бремена.

Тут сняла она с себя медальон, тот, что я некогда подарил Лиле, и вдруг по-старушечьи всхлипнула. Потом успокоилась и посоветовала мне уйти, за домом ее слежка...

Завьялов замолчал. Люди на корабле задумались и притихли.

— А зюйд-остик набирает помаленьку силу, — сказал весело проходивший штурман. — Ему бы денек-другой продержаться, и мы выскочим из этой ловушки.

Ветер свистел в вантах. Молодой лед с шипением трескался и полз на старые льдины, торосясь тонкими пластинками. Барометр резко шел книзу, предвещая шторм. На судах готовили машины к дальнейшему походу.

* Добрый день!
** Пару пива!

Вл. ЛИДИН

КНИГА

Рис. С. Зелихмана

Штаб пехотной дивизии перевели из лагерей на городскую квартиру. Это был особняк в готическом стиле, нетопленный и разверстый в своем запустении. В дубовом зале с камином расставили штабные столы, застрекотали машинки; птицы с плафонов, некогда являвшие собой прообраз подаваемой дичи, воскрыливались теперь над шинелями, арматурными списками и красными и зелеными папками, разбухшими от подшитых в них дел.

Младшего письмоводителя Васькина оставили на ночь дежурным по штабу. Это был тощий и мечтательный человек, в шинели, болтавшейся на худом его теле, любитель чтения. До поступления в красноармейскую часть он работал в должности переписчика ролей. Серые близорукие его глаза были обычно мечтательно обращены к окнам, за которыми остывало осеннее небо; в кармане шинели была припрятана книжка. Губы его, повторявшие слова какой-нибудь роли, шевелились. Комиссар штаба Беляев, любивший быстроту выполнения, дисциплину и точность, отнесся к Васькину с неодобрением. Книжка, по-школьнически засунутая под папку с делами, нарушала порядок в работе. Письмоводитель не справлялся с подшивкой бумаг, его пересадили на арматурные списки. Но и здесь он напутал с количеством выданных сапог и белья, и его наметили к откомандированию в часть.

В четыре часа занятия в штабе окончились, и Васькин остался дежурным по зданию. Мрачная готика особняка зияла черными нетопленными каминами, фризы с гирляндами несущихся нимф смягчали черствый блеск дубовых панелей и вялую желтизну цветных витражей, с католической неуютностью пропускавших свет в узкие окна. Еще с утра поломанная мебель, обрезки досок настила разрушаемой конюшни во дворе, всяческий выметенный мусор и сор были заготовлены возле камина для топлива. Васькин набил всеми этими останками камин, подсунул старых газет и бумаги, и скоро розовые отблески заплясали на стенах. Он придвинул к камину будуарное креслице, сиявшее из прошлого наивным атласом, сбегал в кухню за кипятком и стал готовиться к ночи. Зеркало камина торжественно отражало пространственность зала, красный блеск колонн, гирлянды согретых нимф и самого его, Васькина, затерянного в готическом сумраке зала. Изредка слабо звонил телефон; тогда Васькин брал трубку, торопливо откликался: «Дежурный по штабу», и принимал очередную телефонограмму.

К вечеру звонки стали реже. Васькин согрелся чаем, побродил по высоким и гулким комнатам особняка. В будуаре помещался кабинет начальника штаба, и жиденькие креслица трещали на докладах под телами военных. Венецианское зеркало, в стеклянных розочках и завитках, отражало деловой стол, приказы по дивизии и карту польского фронта, занимавшую почти полстены. Васькин зажигал свет, осматривал комнату и переходил в следующую. В бывшей детской расположились топографы. Здесь уже обжито пахло краской, склеенными картами, химическим запахом шапирографа. Потом шли проходные комнаты с узкими высокими окнами в сад, где качались деревья, переходы, лестницы вниз,— все мрачное и похожее на католическую церковь или на покои Медичи из «Гугенотов»... Особняк был нетоплен с прошлой зимы, и теперь к печам было пододвинуто все, что только могло пойти в топливо: обломки мебели, груды писем, старые номера журналов и целое плоскогорье истерзанных книг, найденных на чердаке и в подвале. Это были книги без конца и начала, перепутанные листы, повиснувшие на суровых нитках брошировки, оборванные корешки, заглавные страницы с фамилиями авторов — непомерные, истерзанные, разваленные богатства, на которые Васькин набросился... Он листал эти книги с отсутствующими и перепутанными страницами, подбирал разрозненные тома сочинений, чихал от пыли, узнавал знакомые имена авторов, сокрушался и ликовал... Из разбитых и разрозненных книг подбирались собрания сочинений, классики, Шекспир блеснул неистовым монологом Тимона Афинского, взывал Несчастливцев из одинокого томика сочинений Островского, и рассказ про хозяина и работника, вдруг открывшийся из перегнувшейся книги, напомнил желтые знакомые трехкопеечные книжки, которые читал он, Васькин, еще мальчишкой. Он был один среди этих найденных им богатств, телефон в зале не звонил, и Васькин, весь в поту, со сдвинутым на затылок шлемом, раскладывал на полу эти книги, подбирал тома, восстанавливал порядок страниц из повиснувших на нитке листов. Давно уже наступили вечер и ночь, ноги его затекли, блаженное волнение не затихало...

Комиссар штаба Беляев проверял обычно ночное дежурство. Он появлялся неслышно, проходил по залам, стремительный, как во всех

Отделение в дозоре.

Фото Н. Сальмана.

своих комиссарских делах, любил порядок, не терпел нарушений по службе. Васькин, со своим близоруким мечтательным взглядом, с книжками, которые тайком он во время занятий читал, в шинели, не по-военному висевшей на тощих плечах, давно казался ему ненадежным. И он появился в особняке во втором часу ночи, длинный, бесшумный и неумолимый. Его руки были засунуты в карманы шинели, и, как всегда, в любой час дня и ночи, он был готов к действию.

Камин в огромном зале давно прогорел, тлела последняя головешка в голубых ребринах. Темная синева готических окон выстроилась во всю длину зала, как стража. Будуарное креслице, обитое атласом, одиноко пустовало возле камина. Дежурного на месте не оказалось. Беляев неслышно прошел через зал, заглянул в кабинет начальника штаба, толкнул дверь в коридор. На полу возле печи, едва видный среди груды раскиданных книг, сидел Васькин.

— Дежурный! — сказал Беляев знакомым и ужасавшим обычно письмоводителя голосом. — Что вы делаете здесь? Почему вы не на месте?

С руками, засунутыми в карманы шинели, какой-то вкрадчивой и неумолимой походкой он приближался к письмоводителю. Они стояли теперь друг перед другом, и Васькин, судорожно и по-детски вздохнув, молча протянул ему книгу. Это был третий том сочинений Шекспира с «Королем Лиром» и «Гамлетом», монологи из которых Васькин знал наизусть. Беляев быстро, как привык осматривать донесение, прочел заглавие книги.

— Откуда эти книги? — спросил он удивленно.

И Васькин ответил:

— Жгут-с. Сегодня истопники книгами плиту истопили. А другая книжка не хуже пушки стреляет по темноте да по разной нашей дурости... Вы бы, товарищ комиссар, разобрались.

Беляев был недавно студентом Политехнического института, и в ящике его комиссарского стола вместе с секретными документами лежали «Основы неорганической химии». Он низко, насколько позволяла ему шинель, присел над грудой книг рядом с Васькиным.

— Вот тут, в этой пачке, — сказал Васькин, — тут и Лев Толстой, и Островский, и другие там главные наши писатели... я их по томикам все подобрал. А вот, вот тут на разных языках, может еще кто из подходящих есть, вы поглядите.

Он подвинул Беляеву ящик, чтобы тому было удобнее сидеть, и стал подавать ему книги. Беляев быстро выхватывал книги из его рук, прочитывал заглавие, откладывал в сторону.

— Я, товарищ комиссар, так про себя думаю, — говорил между тем Васькин счастливо. — Ну, может быть, Красной Армии сейчас не до книг... а ведь придет время, каждый боец что ни есть лучшего прочесть захочет и вроде как своим сделать! Давайте, я буду откладывать что к чему, а вы мне подавайте.

Они сидели теперь рядом плечо к плечу, и Васькин, разглаживая страницы и сдувая с них пыль, подавал книги комиссару. Давно перестала чадить головешка в камине, узкие готические окна налились сиреневым предутренним светом, и разводящий сменил часовых у ворот.

Помощник начальника штаба Григорьев, человек исполнительный, любивший порядок, приходил на занятия раньше других. Он успевал осмотреть помещение, проглядеть полученные за ночь телефонограммы, подготовить бумаги для доклада начальнику. Его опережал иногда комиссар, — это значило, что если в штабе что-нибудь не в порядке, сейчас же раздается его взыскательный голос, последуют объяснения и краткие и выразительные приказы по штабу. Двери в зал на этот раз оказались открытыми, дежурного не было. Григорьев неслышно, чтобы не спугнуть виноватого, прошел через зал и заглянул в коридор. На полу возле печки сидели комиссар и дежурный по штабу. Лица у них были невыспавшиеся, глаза воспаленные, пыль стояла над стопками отложенных книг.

— Ну, куда же вы Глеба Успенского кладете... классики же слева, я вам показал, — говорил Васькин укоризненно. — И давайте-ка отнесем все это в политотдел, чтобы в коридоре не осталось ни книжечки!

И Григорьеву пришлось увидеть еще, как поволокли они оба, с пыльными лицами, свою добычу, довольные этой незаметно пролетевшей ночью, общей страстью к чтению, к книгам и к именам писателей, которых еще через несколько лет, перейдя к мирным делам, Красная Армия узнает и полюбит.

Беляев быстро выхватывал книги, прочитывал заглавие, откладывал в сторону.

Институт литературы АН СССР им. М. Горького

Лев Рубинштейн

Волки

ЭПИЗОД ИЗ ВОЙНЫ БУДУЩЕГО

Рис. И. Гринштейна

В кресле сидел бледный бородатый человек с забинтованной шеей.

Во время наступления на Маркоманский лес я был ранен в руку осколком шрапнели и отправлен в армейский госпиталь, в Коссовицы.

Всю дорогу я слышал над собой в бирюзовом небе тяжелый рокот четырехмоторных бомбардировщиков. На запад шла стратегическая авиация.

На земле по гудроновой дороге ползли группами всевозможные автомашины: моторизованные радиостанции, инженерные автопоезда с кранами, фермами, котлами, катками, автоцистерны, баки, грузовики с асфальтом, бетоном, щебнем, электростанции на колесах, какие-то сооружения, снабженные огромными генераторами, полевые лазареты, полевые бани, полевые рестораны, полевые агитмашины и даже полевые книжные распределители. Единственным общим родовым признаком для всех этих машин были колеса и запах бензина.

К вечеру мы переехали через Вердер. На правом берегу до меня донесся, наконец, смолистый запах сосен, и я увидел на небе бледную луну.

Все эти бесчисленные машины забрасывались на Остмаркское плоскогорье и на подъездах к нему исчезали под землей или маскировались.

Уже в госпитале я услышал радостную весть о полном крушении армии Преттвица и о том, что одна из вражеских столиц находится под ударом.

Госпиталь расположился в Старых Коссовицах. Город был занят полтора месяца назад. Здесь еще можно было найти на стенах следы поспешного отступления — облупившиеся свастики и ругательные надписи, в которых сквозила яростная бессильная злоба. Листва на деревьях в городском парке вся свернулась от фашистского иприта. На развалинах завода мне показали бак, с которого советская разведка сняла пятнадцать связанных и обваренных паром людей. Над ними был прилеплен плакат: «Красные негодяи, срывавшие национальный штурм» (т. е. поголовную мобилизацию).

Одного из них удалось вернуть к жизни. Он плакал и в бреду повторял имя какого-то полковника Лейнбаха. Стоя у окна госпиталя, я разглядывал огромную воронью стаю, которая с криком снималась с крестов одного костела, чтобы перелететь на кресты другого, а оттуда — на третий костел. Городок был набит костелами, как арбуз семечками. Были даже специально заводские храмы, стоявшие среди труб в заречной части города, где на моих глазах, среди обгорелых стен и согнутых перекрытий, начинала возрождаться жизнь — там копошились советские инженеры. Несколько труб уже снова задымило.

В рассеянности я произнес вслух имя полковника Лейнбаха, и тут с соседнего кресла раздался голос:

— Полковника Лейнбаха больше нет.

Я обернулся. В кресле сидел бледный бородатый человек с забинтованной шеей. Темносерая байка больничного халата еще больше подчеркивала белизну его лица.

— Убит? — спросил я.

— Нет. Умер от ранения.

Мой сосед улыбнулся и указал на свою повязку:

— Его работа.

— Пуля? — удивленно спросил я.

— Нет. Укус.

— Укус?

— Да. И какой укус! Мне сделали операцию трахеи.

— Где вас укусили? На фронте?

— Что такое фронт? — с досадой сказал забинтованный человек, — Да нет, если хотите, в тылу...

— Вы техник?

— Я штабной работник.

— Не понимаю, — сказал я, — вас в тылу укусила собака полковника Лейнбаха?

— Нет, — засмеялся он, — сам полковник меня укусил.

— Надо объяснить вам сначала: я знаю Лейнбаха еще по школе.

— Вы учились за границей?

— Нет, наоборот, он учился у нас. Мы сидели на одной парте в школе одного из западных городов. Он был сыном богатого фермера-колониста. Скажу откровенно — я списал у него не одну работу по тригонометрии и физике: он был способный ученик. Ко всем нам, одноклассникам, он относился свысока. Мы приписывали это тому, что он был старше нас. На большее у нас нехватало фантазии. Ко мне он относился несколько лучше, чем к другим, — может быть потому, что я был развитее. Он был угрюмый, длиннолицый, лобастый.

В классе его считали, так сказать, «не от мира сего». Но очень скоро у молчаливого, хмурого Лейнбаха открылись неожиданные способности. В 1918 году наш город был занят иностранной армией. В один прекрасный день, на уроке алгебры, отворилась дверь и в комнату вошли две «канарейки». («Канарейками» у нас назывались полевые жандармы — за их желтые аксельбанты.)

Из-за спины одного из них протискался бледный директор школы.

— Рогожин Николай! — сказал он.

Рогожин встал. Его место было впереди моего. Я видел, как он крепко стиснул руки.

— За мной! — квакнул жандарм, и Рогожин вышел из класса между двумя «канарейками».

В комнате стояло гробовое молчание. Кое-кто знал или догадывался, что Рогожин — организатор подпольной комсомольской ячейки. Наша школа была под подозрением.

Но конец этой сцены был еще неожиданнее начала. Через четверть часа в дверь вновь просунулась лысая голова директора.

— Лейнбах Эдмунд! — сказал он.

Лейнбах встал и вышел.

Скажу вам коротко: Лейнбах вернулся обратно в начале следующего урока. Николай Рогожин больше никогда не вернулся. Он «пропал без вести» в конце оккупации, когда иностранные войска бежали из города. Впрочем, Лейнбах недолго оставался в школе. Все знали, что он выдал Рогожина. Мальчики перестали с ним здороваться. Однажды его пытались избить в темном углу коридора. Школа была закрыта оккупационными властями около месяца. Когда она открылась, Лейнбах явился за документами.

Он избегал встреч со школьниками, но меня он удостоил разговором.

— Я уезжаю на запад, — сказал он, поправляя свои металлические очки.

— Ты не хочешь встречаться с ребятами?

— Вонючая мещанская сволочь! — кисло сказал он и ушел, не прощаясь.

Его отец уехал во-время. Через две недели в город вступила Красная Армия.

С тех пор прошло порядочно времени. Стороной до меня дошли слухи, что Лейнбах на родине командует отрядом фашистской молодежи. Это меня несколько удивило — я думал, что из него, отчаянного индивидуалиста, помешанного на «сверх-человеческом» и презирающего «толпу», получится, в лучшем случае, «независимый» буржуазный профессор. Я никак не мог представить себе Лейнбаха с военными галунами.

Когда меня прикомандировали к штабу, я узнал о его зверствах во фронтовой полосе, о «философских письмах», которые он прикреплял к телам расстрелянных. Это был один из самых свирепых фашистских полковников, действующих по «специальным заданиям».

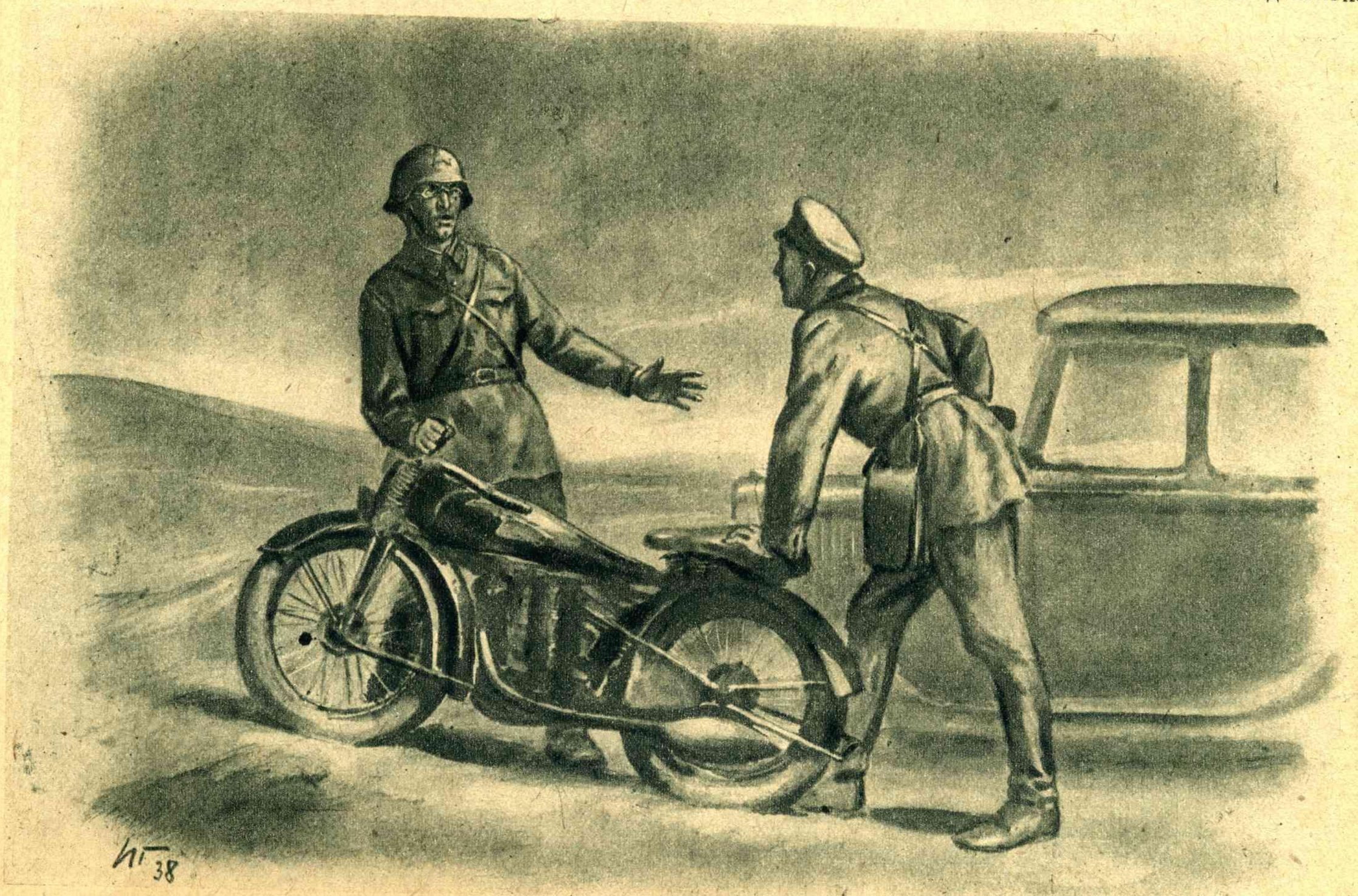
Помимо волчьей злобы, в нем было то, чего не бывает у волков, — система.

После глубокого прорыва у Коссовиц мы заняли огромную территорию. Фашисты оставляли в городах и селах переодетых офицеров, которые через определенное время собирались в «бригады смерти» и занимались диверсиями в тылах. У них были свои люди на кулацких фермах в Остмарке. Они поддерживали связь со своими через «агентов службы S».

Я участвовал в обследовании района между Вердером и мызой Шинефельде. Это было как раз после таинственной гибели в воздухе знаменитого фашистского воздушного отряда «Волки», на который противник возлагал большие надежды. Вся агентурная сеть фашистов была приведена в действие. У нас дня не проходило без какой-нибудь поимки, особенно в районах расположения технических частей. Некоторые банды обнаглели до того, что пытались нападать по ночам на ангары и склады.

Ранним утром я возвращался из поездки в лесничество. Водитель машины, красноармеец Шведов, был обстрелян и легко ранен еще вчера вечером. Я ехал один.

Шведов получил ранение при загадочных обстоятельствах — он уверял, что в него стреляли люди в красноармейских шлемах и что один из них даже подошел к машине довольно



Я разобрал мокрые очки, неряшливо свисающие из-под шлема.

Фото Б. Фишмана.

В обороне.

близко и спросил на чистом русском языке, не штабная ли это машина. Но так как дело было в сумерки, а Шведов всегда отличался неукротимой фантазией, то мы не придали значения его словам.

Утро было туманное. Великие Остмаркские леса стояли кругом, и сырая мгла клубилась в хвойных чащах, как дым тлеющего лесного пожара. Проезжая через «Королевский заповедник», я услышал за поворотом дороги отдаленный треск мотоцикла.

«Связной с мызы», — подумал я и прислушался. Звук удалялся от меня. Ехали не с мызы, а на мызу. Я увеличил скорость и обогнул поворот. Но в это время мотоцикл уже скрылся за холмом, и мне снова пришлось его нагонять. Кругом было тихо, и я ясно услышал за холмом хлопающие звуки, похожие на револьверные выстрелы. Треск прервался.

Я въехал на холм. В тридцати метрах от меня у обочины дороги стоял мотоцикл. Около него возился высокий человек в красноармейской форме. Увидев меня, он издали замахал мне рукой.

Я подъехал поближе.

— Опять сел аккумулятор, — сказал он, не поднимая головы от машины, — чорт бы его драл совсем. Помогите подкатить машину.

Я взялся за седло сзади, в то время как он раскачивал мотоцикл справа. На рукаве у него красовался один капитанский угольник. Лица его я почти не видел в утренней мгле. Я разобрал только мокрые очки, неряшливо свисающие из-под шлема.

— Ну, как? — сказал я.

— Безобразие! — ответил он раздраженным голосом.—Еду от Шварцмюле, не больше пятнадцати километров, а у меня второй раз авария.

У него были пехотные петлицы без всяких специальных значков. Мне до сих пор не приходилось видеть строевого командира в очках. Я подумал, что это, может быть, штабной работник, как и я.

— Почему вы поехали без водителя? — спросил я.

Я не дожидался ответа. Мы оба склонились над мотоциклом, и наши лица были рядом. Я невольно повернул голову и увидел перед собой Эдмунда Лейнбаха.

И точно, это был Лейнбах. Он мало изменился за двадцать лет. Только вокруг рта появились сухие складки, но стального цвета глаза все так же поблескивали сквозь металлические очки. Узкие, презрительные губы все так же кривились на длинном смуглом лице. Его голова в шлеме была удивительно похожа на варварскую голову средневекового рыцаря-разбойника, которую я видел в каком-то музее. Там нехватало только очков, но — странное дело — очки сделали это лицо еще более хищным.

Он также узнал меня:

— А, — сказал он, отступая на дорогу, — это ты...

Все это заняло не больше секунды. Я успел только взяться рукой за кобур. Лейнбах рванулся в кусты и исчез, а я бросился за ним.

Мы бежали долго. Кусты трещали под нашими телами. Я был убежден, что догоню его — Лейнбах еще в школе плохо бегал. На бегу у меня мелькнула мысль, что раненый шофер Шведов оказался прав. Повидимому, они хотели захватить штабную машину. Но думать было некогда. Я продирался сквозь густые заросли заповедника, в котором когда-то шла королевская охота. Ноги скользили по скользкому настилу из сосновых игл. Два раза я слышал впереди себя глухой шум от падения тела. Лейнбах падал, вскакивал и снова бежал. Раз я подумал о том, что даю завлечь себя в густой лес — не лучше ли вернуться обратно? Но желание представить в штаб обезоруженного полковника Лейнбаха пересилило.

Я потерял его из виду на внутреннем скате небольшого оврага. Я больше не слышал треска сучьев. В следующую минуту раздался выстрел.

Я лег. Хлопнул еще один выстрел, что-то резко ударило меня по левой ноге, и я перестал чувствовать ногу ниже бедра. На этот раз он не промахнулся. Он стрелял сверху, из-под куста. Я промолчал и сделал правильно. Через несколько секунд я увидел, как он ползет между кустами вниз по оврагу. Не поднимая руки, я перевел предохранитель револьвера. Через минуту зашуршали листья, и я заметил его голову шагах в пятнадцати. Повидимому, он торопился и вел себя достаточно неосмотрительно. «Господин полковник спешит, — сказал я себе, стараясь

не думать о ране, — он спешит сесть в мою машину. Внимание!»

Он выждал еще минуту и приподнялся на локтях. Я мгновенно высвободил руку и выстрелил два раза. Я хороший стрелок, у меня верный глаз и крепкая рука. Он упал и лежал не шевелясь.

Тут я понял, что положение мое не из завидных. Я могу только ползать. Выстрелы вряд ли слышали на мызе. Остается рассчитывать только на дозорных, которые найдут брошенную на дороге машину.

Не стану подробно описывать, как я, стиснув зубы, обматывал себе марлей голень. Я потерял немного крови и был уверен, что пуля не задела кости. Я даже попробовал ползком продвинуться к дороге, но в этот момент Лейнбах застонал.

Я подполз к нему. Он лежал на боку, крепко прижав руки к животу. Глаза его были закрыты.

Я смотрел на него внимательно. Я не видел своего соседа по парте двадцать лет, но он был все тот же — длинный, нескладный, похожий на проповедника.

Он открыл глаза. Я приготовился к защите.

— Успокойся, — сказал он, —ты прострелил мне живот.

Я молчал. Молчал и он.

— Я не могу двигаться, — пробормотал он после долгой паузы, — почему тебе не выстрелить мне в голову?

— Мы не стреляем в раненых, — сказал я.

— Все равно, я умру и так, — буркнул Лейнбах и снова закрыл глаза. Под ним расползалась по траве маленькая лужица крови.

— Где у тебя индивидуальный пакет? — спросил я.

Лейнбах приподнял голову и посмотрел на меня испытующе. Мне ничего не стоило выдержать его истерический взгляд. Он указал мне на сумку кивком головы.

— Все равно, — сказал он, — я постараюсь умереть до того, как ты довезешь меня на допрос. Вам достался мертвый Лейнбах.

Я сделал ему перевязку. Он лежал с закрытыми глазами.

— Лейнбах, — сказал я ему, — помнишь, как ты выдал Колю Рогожина?

— Помню и не жалею, — медленно ответил он, не открывая глаз. — Я жалею только, что не доживу до того времени, когда вас будут морить огнем и керосином, как клопов.

Больше я не разговаривал с ним. Я поднял руку и несколько раз выстрелил в воздух. Я был так возбужден, что совершенно забыл о ране.

— Умно сделано, — тихо сказал Лейнбах, — конечно, могут услышать ваши на дороге, но могут услышать и наши в лесу. Тогда тебе придется долго умирать.

Я не отвечал. Я прислушивался. Мне казалось, что я слышу отдаленный шум.

— Чорт меня дернул встретиться именно с тобой, — прошептал Лейнбах, — мне не везет, как всегда...

Прошло около часа. Я начинал слабеть. Мой противник лежал не шевелясь. У меня была еще обойма, и я разрядил в воздух три патрона, потом еще два.

И тут я услышал явственный шорох за своей спиной.

Мне пришлось употребить большое усилие воли, чтобы заставить себя повернуть голову. Это могли быть «смертники» из фашистской банды.

Между кустами приподнялся серо-зеленый шлем. Я изо всех сил стиснул рукоятку браунинга.

На этом шлеме была красная звезда. Я смотрел, все еще не веря, и глубоко вздохнул только тогда, когда увидел под шлемом знакомое загорелое лицо лейтенанта Герасименко.

Нас везли в санитарной машине. Путь был долог. Надо мной верхняя койка прогнулась под тяжелым телом Лейнбаха. Раз или два у меня были легкие приступы тошноты. Я чувствовал смертельную усталость. Под конец я заснул.

Проснулся я потому, что равномерное покачивание прекратилось. Машина стояла. По белому глянцевитому потолку пробежал луч света. Дежурный санитар вышел.

Я услышал сверху голос Лейнбаха.

— Не понимаю, каким образом, — произнес этот голос с неожиданной твердостью, — каким образом у вас работает в полевой обстановке передатчик мощностью не менее семи тысяч киловатт, с волной в тридцать сантиметров? Мы не пошли дальше лаборатории.

— Какой передатчик?

— Я говорю о гибели воздушной эскадры «Волки». Как вы построили такой генератор?

— Я ничего не понимаю в физике, — сердито сказал я.

Лейнбах умолк. Снаружи доносилось мерное пощелкивание помпы для бензина.

В полусне мне почудилось, что кто-то стоит над моей койкой. Заскрипели поручни. Не успел я как следует проснуться, крикнуть, пошевелить рукой, как Лейнбах навалился на меня, захрипел и впился мне зубами в горло. Я пытался оттолкнуть его, сбросить, но это была подлинно мертвая хватка. Я барахтался, старался крикнуть, но не мог и быстро потерял сознание...

Мой собеседник умолк и дотронулся рукой до забинтованного горла.

— Вот и все.

— Его оттащили?

— Конечно. Но я этого не помню, я очнулся уже в госпитале.

— А что с ним?

— Его отделили от меня с помощью хирурга. Он умер, не разжимая зубов. Потому-то и пришлось сделать мне операцию горла.

— Зачем он сделал это? Ненависть?

— Да, ненависть... — рассеянно проговорил мой сосед, — впрочем, не только ненависть...

— А что еще?

— Обреченность, я думаю. Знаете, мне нельзя больше разговаривать, сестра смотрит на меня укоризненно. Мне придется помолчать еще с месяц.

Лейнбах навалился на меня и впился зубами в горло.

Лев Канторович

Кутан Торгоев

*ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ**

Рис. С. Зелихмана

Всего один день пробыл Кутан у матери.

Ночью он оседлал коня и уехал. Пятеро молодых джигитов из аула Ак-Булун встретились с ним на горной тропе. Он поехал вперед, и джигиты ехали за ним. К утру они были в соседнем ауле.

Кутан говорил с людьми и звал выступать против басмачей. Речи его нравились. Всякий бедняк был обижен баями. К ночи Кутан уехал дальше. С ним уехало еще двенадцать джигитов.

Так он стал ездить из аула в аул. Он ехал по ночам, а днем отдыхал и говорил с жителями селений. Он рассказывал о кзыл-аскерах и о большевиках. Он говорил о дружбе с советской властью и о вражде, смертельной вражде к баям и к басмачам. Он рассказывал о Джонтае и о себе самом. Он говорил правду, и люди верили ему. В каждом ауле джигиты седлали лошадей, забирали старые мултуки и присоединялись к отряду. В отряде было уже тридцать человек. Молчаливый Абдуманан и веселый охотник Каче, умный пастух Максутов Мукой и силач Гасан-Алы и еще многие храбрые джигиты пришли к Кутану.

Прошло три недели после выхода Кутана из больницы.

Кутан сильно изменился за это время, хотя в его внешности не было особо заметных перемен. Может быть, только его загоревшее, бронзовое лицо слегка похудело и осунулось. Но манера держаться и говорить стала совсем иной, чем раньше. Необходимость приказывать, необходимость убеждать людей, вести их за собой заставила его научиться говорить коротко и веско, держаться уверенно, личным поведением давая пример всему отряду. Он теперь много думал о вещах, которые раньше никогда не приходили ему в голову. Он вспоминал командира партизан, коменданта кзыл-аскеров, и невольно старался подражать им. Прирожденный ум и чутье помогали ему. Он превращался в настоящего вожака, командира. Джигиты уважали его и слушались беспрекословно.

Быстрыми ночными переходами отряд двигался к аулу Иштык.

Аул этот был расположен в глубокой лощине, у слияния двух горных рек. В километре от аула, на горе стояла пограничная застава Иштык — застава самая отдаленная, самая близкая к сыртам. Кутан рассчитывал, окончательно сформировав свой отряд, в ауле Иштык ждать приказания коменданта и вместе с кзыл-аскерами начинать наступление на басмачей.

Когда отряд был еще в ущелье, не доезжая несколько километров до Иштыка, Кутан услышал стрельбу со стороны аула. Кутан пустил коня рысью. Доброотрядцы, растянувшиеся по ущелью, догоняли его. Выстрелы становились все громче и чаще. Потом четко затарахтел пулемет. Было похоже на то, что возле аула разгорается бой.

Ночь была на исходе, брезжил рассвет.

Кутан подхлестнул коня и перевел его на галоп. Каче, погоняя свою лошадь, скакал рядом с ним.

— Басмачи около заставы, — сказал он, — стреляют выше аула.

Подскакав к концу ущелья, Кутан осадил коня. Остальные окружили его. Солнце взошло.

— Каче, — сказал Кутан, — оставь лошадь, лезь на гору. Если надо будет, на дерево лезь. Посмотри, что там.

Каче был маленького роста и ловок, как обезьяна. Он спрыгнул на землю, снял винтовку с деревянными сошками и через несколько минут вскарабкался на верх почти отвесной скалы.

— Видишь? — крикнул Кутан.

— Нет, лезу на дерево, — донесся голос Каче.

Разгоряченные скачкой, лошади не стояли на месте, плясали, крутились.

— Хей! — крикнул Каче. — Хей! Басмачи там. Много басмачей.

Пулеметная очередь заглушила его голос.

— Где бьются? Кзыл-аскеры где? — крикнул Кутан.

— Басмачи к заставе идут. У заставы бьются. Близко.

Снова загремели выстрелы.

Кутан стегнул коня и с места в карьер поскакал к выходу из ущелья. Снимая винтовки, доброотрядцы неслись за ним. Осталась только лошадь Каче. Привязанная к стволу дерева, она тянула повод, била ногами и рвалась вслед за остальными.

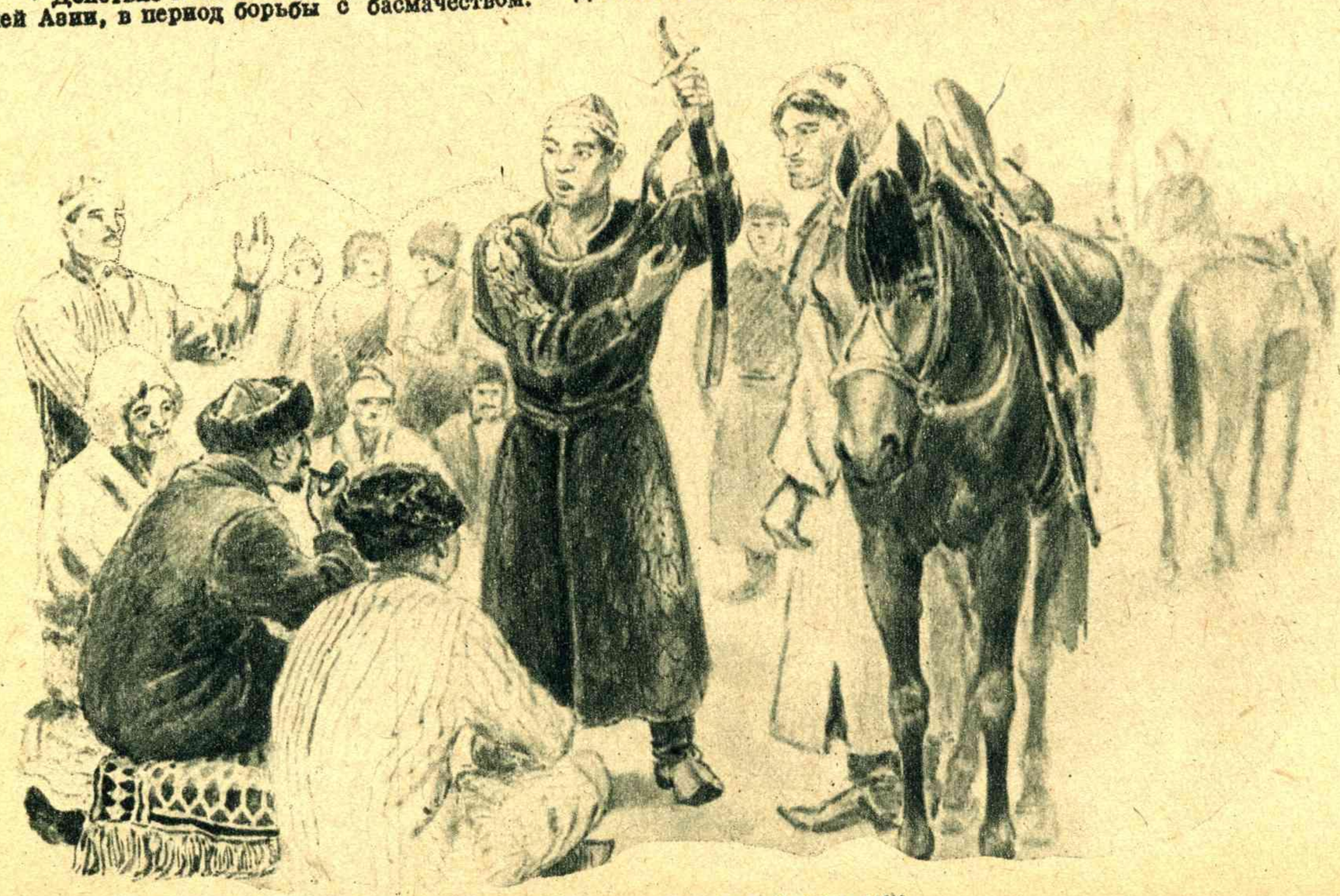
Доброотрядцы выскочили из ущелья.

Низкие сопки еще скрывали от них заставу.

И кони и всадники увлеклись бешеной скачкой, обгоняли друг друга, летели все скорее и скорее.

Силач и великан-кузнец Гасан-Алы поровнялся с Кутаном. Он крутил винтовку над головой и нахлестывал лошадь. Отчаянным галопом джигиты выскочили на гребень сопок, и картина боя открылась перед ними.

* Действие повести происходит в Средней Азии, в период борьбы с басмачеством.



Он говорил правду, и люди верили ему.

Оставляя справа аул, толпа басмачей широкой цепью мчалась к заставе, низенькие глинобитные домики которой едва были видны на вершине пологой горы. Пулемет лихорадочно захлебывался. Пулеметчики сидели на сотню метров впереди заставы, скрытые большим камнем, но этот-то камень и не давал возможности обстреливать атакующих по всему фронту. Правое крыло басмачей, заворачивая и совсем приближаясь к заставе, грозило отрезать пулемет.

Кучка красноармейцев на самой заставе отстреливалась изо всех сил, но их выстрелы не в силах были остановить атаку. Кутан задержал передних доброотрядцев, чтобы успели догнать отставшие. Басмачи наседали на заставу. Они не видели, как с тыла из-за сопки вылетели всадники.

Гасан-Алы, опьяненный атакой, визгливо и пронзительно запел старый боевой клич:

— Иль-Ала! Илла Аллах!

— Дурак! — крикнул Кутан. — Замолчи, дурак! — и, оборачиваясь назад, он закричал: — Ура, кзыл-аскеры! Бей баев!

— Бей баев! —заревел Гасан-Алы.

— Бей баев! — подхватили доброотрядцы.

Басмачи были близко. На всем скаку Кутан вскинул винтовку, и басмач впереди него упал с лошади. Звук выстрела был едва слышен из-за грохота и шума вокруг, но выстрел Кутана был сигналом. Доброотрядцы открыли огонь. Грянули старые пищали, кремневые ружья и берданки.

— Бей баев!

Только тогда басмачи поняли, в чем дело.

Смятые неожиданным натиском доброотрядцев, они метнулись с правого фланга и попали под огонь пулемета. Все смешалось в пыли. В панике басмачи повернули к горам. Доброотрядцы разворачивались, чтобы преследовать их. Впереди басмачей на сером коне скакал киргиз огромного роста, очевидно курбаши. Кутан узнал его. Это был Кара-Мурун. Кутан крикнул Гасан-Алы и ринулся в погоню.

Пулемет смолк. Из заставы, спасенной неожиданной помощью, скакали пограничники.

Быстрый конь Кара-Муруна вынес его далеко от остальных. Повернув, он гнал к ущелью. Он был уже у самого входа. Кутан и Гасан-Алы скакали ему наперерез. Несколько раз Кутан стрелял, но не мог попасть в басмача, а стрелять в коня он не хотел. Кара-Мурун обернулся назад, поднял маузер и выпустил всю обойму. Гасан-Алы вместе с конем покатился на землю.

Кутан один влетел за басмачом в ущелье.

Увлекшись преследованием, он не замечал, что басмач сдерживает своего коня. Кара-Мурун видел, что Кутан один и, когда Кутан был совсем близко, он внезапно остановился. Летя на басмача, Кутан выстрелил, но винтовка только щелкнула — патронник был пуст. Тогда Кутан схватил винтовку за ствол, готовясь, как палицей, бить прикладом. Кара-Мурун выдернул из-за пояса клыч.

В прохладной тени ущелья кони сшиблись и разлетелись в разные стороны. Кара-Мурун изо всей силы ударил клычом, но Кутан отразил удар прикладом. Клинок скользнул по дереву, и, наткнувшись на сталь замка, переломился пополам. Все-таки удар был так силен, что Кутан еле удержался в седле.

Кара-Мурун снова пустился удирать, и Кутан хотел продолжать погоню, когда сверху со скалы раздался выстрел. Басмач пошатнулся, но не упал. Кутан ринулся за ним.

— Стой, Кутан! — раздался голос сверху, и Каче с дымящимся мултуком скатился с откоса. — Назад, скорей назад, — говорил он, отвязывая свою лошадь, спрятанную в кустах. Там — басмачи, много басмачей!

Кутан колебался.

— Скорей! Кзыл-аскеров предупредить надо, — крикнул Каче и поскакал к равнине. Кутан догнал его.

Когда доброотрядцы пошли в атаку, Каче замешкался, слезая с дерева. Случайно он обернулся и увидел, что по руслу реки, примыкающей к ущелью, движется группа всадников. Каче узнал среди них многих басмачей. Впереди ехали Касым Малыбашев и Джаксалык Оманов. Касым спорил о чем-то с Джаксалыком. Потом Касым крикнул какое-то приказание, и джигиты спешились. В это время Кара-Мурун и Кутан влетели в ущелье. Каче выстрелил по басмачу и, вместе с Кутаном, ускакал на равнину.

Басмачи сдавались кзыл-аскерам и доброотрядцам. Всего было захвачено двадцать человек, не считая четырнадцати убитых.

Кутан и Каче рысью ехали к группе всадников, стоявшей на пригорке возле заставы. Увидев Кутана, командир пограничников тронул лошадь и поехал ему навстречу. Кутан узнал Винтова. Они обнялись, как старые приятели.

Каче рассказал все, что он видел из своей засады. Винтов приказал готовиться к обороне. Пленных, обезоруженных басмачей заперли в сарае, и двое часовых были поставлены там. Лошадей отвели под прикрытие, бойцы стали по местам. Кутан послал несколько человек во главе с Гасан-Алы к Каче в аул, чтобы собрать там джигитов. Гасан-Алы поехал на лошади басмача, так как его лошадь убил Кара-Мурун.

Кара-Мурун обернулся назад, поднял маузер и выпустил всю обойму.

Касым побледнел и взялся за рукоятку маузера.

Винтов рассчитывал, что басмачи выйдут из ущелья, и хотел дать бой на ровном месте. Но прошло два часа, а басмачи не появлялись.

Стоя на плоской земляной крыше заставы, Кутан рассказал Винтову о погоне за Кара-Муруном. Внимательно выслушав до конца, Винтов долго молчал.

— Ты, конечно, молодец, Кутан,— заговорил он по-киргизски, — и твои джигиты спасли сегодня заставу. Но ты себя вел неправильно. Ты не обижайся, подожди. Дослушай до конца. Разве годится командиру бросать свой отряд и лететь сломя голову чорт его знает куда?

— Зачем чорт знает, — по-русски ответил Кутан. — Кара-Мурун убить, мой враг убить, а не чорт знает.

— Верно, — продолжал Винтов, все так же по-киргизски. — Верно, Кара-Мурун убить надо. Но ты командир. Ты должен прежде всего думать об отряде, а не о своих личных врагах. Понял? Надо было поймать Кара-Муруна. Не спорю. Но надо было послать за ним джигитов, а не бросать отряд и самому скакать за ним. Это басмачи так дерутся, а нам надо...

— Смотри, Винтов! — крикнул Кутан, показывая на равнину.

Какой-то всадник на маленькой загнанной лошаденке скакал к заставе. Еще издали он начал что-то кричать и махать руками. У въезда в заставу он соскочил с лошади, ковыляя, вбежал во двор и повалился на колени перед Винтовым. Это был старик-пастух из аула Иштык. Заплатанный халат его был изодран в клочья, и слезы текли по его пыльному лицу. Плача и охая, он рассказал, что басмачи налетели на поле, где работали иштыкские дехкане*. Басмачи захватили всех людей и скот и погнали в горы. Очевидно, это была именно та банда, которую видел Каче. Побоявшись выйти на равнину, басмачи отказались от налета на заставу, повернули обратно и по дороге захватили дехкан.

Винтов приказал половине пограничников оставаться на заставе, а остальным выступать в погоню. Кутан собрал своих джигитов. Старику дали хорошую лошадь, и он взялся показывать дорогу.

Кутан ехал рядом с Винтовым впереди отряда.

— Теперь я ошибся, — сказал Винтов, — ждать нельзя было.

Кутан ничего не ответил.

* Дехкане — крестьяне.

***

Пуля Каче попала Кара-Муруну в ногу.

Не слыша за собой погони, он остановился у ручья, чтобы обмыть рану. Касым и Джаксалык выехали из-за скал. За ними ехали джигиты. Кара-Мурун, хромая, бросился к ним навстречу и ухватился за стремя Касыма.

— Скорее на помощь! — прохрипел он.

— Чем ты так взволнован, уважаемый Кара-Мурун? — невозмутимо сказал Касым.

— Мои джигиты убиты или взяты в плен. Аллах отвернул свое лицо от меня. Помоги, Касым.

Касым тронул коня и толкнул Кара-Муруна.

— Я никак не могу понять, чего ты просишь, уважаемый Кара-Мурун, — издевался он. — Ты ведь не ждал меня, когда нападал на Иштык. Ты ведь сам нарушил наш уговор. Причем же тут я?

— Что ты говоришь? — зарычал Кара-Мурун, снова хватая стремя Касыма, — что ты сказал, сын блудницы?

— Не горячись, почтенный Кара-Мурун,—скалил зубы Касым, — ты болен, и волнение вредно тебе.

Кара-Мурун задохнулся от ярости. Он шагнул назад и выхватил кинжал. Касым побледнел и взялся за рукоятку маузера, торчавшего за его поясом.

— Берегись! — тихо сказал он.

— Паршивый пес! — крикнул Кара-Мурун и поднял кинжал.

— Я предупредил тебя, Кара-Мурун, — сказал Касым и выстрелил. Кара-Мурун сделал два шага и упал без звука лицом вниз.

— Ты собака, Касым! — равнодушно сказал Джаксалык.

— Молчи, жирный баран! — Касым, бледный от злости, рванул повод. Горячий конь заплясал, приседая на задние ноги, и шарахнулся в сторону. Случайно он толкнул коня Джаксалыка, и тучный Джаксалык зашатался в седле. Джигиты громко засмеялись. В бешенстве Джаксалык изо всей силы ударил Касыма по лицу комчей. Темный рубец сразу вспух на бледной щеке.

Касым взвыл и почти в упор выстрелил в жирный затылок Джаксалыка раньше, чем тот успел повернуться.

Джигиты сняли оружие с обоих убитых курбаши и поделили между собой.

Касым приказал повернуть обратно и уходить в горы. Через два часа басмачи приехали к полю опийного мака, где работали иштыкские дехкане. Басмачи окружили их и повели с собой. Один молодой дехканин

бросился с мотыгой на басмача, который схватил девушку. Его пристрелили. Больше никто не пытался сопротивляться.

Банда торопилась, но пленные, среди которых было много женщин, шли пешком и задерживали басмачей. Уставших, отстающих и слабых подгоняли комчами.

***

Пограничники и доброотрядцы наехали на тела Джаксалыка и Кара-Муруна.

— Собакам — собачья смерть, — сказал Кутан.

Абдумаман молча нагнулся с седла и плетью ударил мертвого Кара-Муруна по голове.

Потом на вытоптанном маковом поле нашли труп дехканина. Отсюда разделились. Винтов с кзыл-аскерами продолжал преследование по следам банды, а Кутан со своими джигитами поднялся вверх, по склону ущелья и по гребню горного хребта обогнал басмачей и отрезал им путь. Банда шла медленно, безжалостно подгоняя пленных. Кутан бросил гранату — сигнал кзыл-аскерам — и сверху, лавиной, обрушился на басмачей. Кзыл-аскеры ударили сзади.

Басмачи сдались почти без сопротивления.

Касым хотел застрелиться. Он уже поднял револьвер, но маленький Каче прыгнул ему на седло, вырвал револьвер у него из рук и изо всей силы ударил гордого курбаши по лицу. Кровь пошла у Касыма из носа.

Басмачей отогнали на одну сторону ущелья, отделив их от дехкан. Басмачи были богато одеты, и в куржумах у них были спрятаны дорогие халаты и шапки. Дехкане, и так одетые небогато, совершенно изодрались о колючки и камни, пока басмачи гнали их с собой.

— Пусть оденутся бедняки в хорошие халаты, — тихо сказал Винтову Кутан.

— Нет, Кутан, — ответил Винтов, — если мы сейчас отберем у басмачей их добро, люди скажут, что доброотрядцы и кзыл-аскеры грабят пленных.

Винтов приказал басмачам надеть лучшие свои одежды; и басмачи развязали куржумы и нарядились в праздничные халаты и меховые шапки.

К вечеру все вернулись в Иштык и нарочно проехали через аул. Люди видели, как кзыл-аскеры и доброотрядцы вели пленных басмачей. Роскошные халаты, ковры на седлах и куржумах, сурковые шапки, цветные шелковые кушаки сверкали в лучах заходящего солнца. Дехкане казались нищими рядом с басмачами.

— Награбили, байское племя! — говорили люди.

И еще десять человек пришло к Кутану со своими лошадьми и ружьями и вступило в отряд.

***

«От Джонтая Оманова почтенному баю Исахуну привет. Пусть Аллах благословит тебя. Горе постигло нас. Как тебе уже, вероятно, известно, погиб брат наш Джаксалык Оманов. С ним вместе погибли многие храбрые джигиты, и Кара-Мурун тоже погиб с ним. Урусы все дальше и дальше продвигаются к сыртам. Нам худо будет, если займут они сырты, и тебе, уважаемый Исахун, худо будет. Урусы отберут твои стада, твои деньги и имущество. Аллах велит нам помогать друг другу, и я хочу помочь тебе, Исахун. Урусы не знают дорог в горах, урусам нужны проводники, а, как ты знаешь, меня боялись киргизы и не шли в проводники к урусам. Но есть один джигит, который изменил своему народу, изменил мне и перешел к урусам. Он не боится нас, и его надо убрать с дороги. Это Кутан Торгоев, пусть будет проклято его имя. Мой посланный передаст тебе, уважаемый Исахун, мешочек с ядом. Это стрихнин, и ты знаешь, какой силы этот яд. Ты должен перейти со своими юртами на тропу к аулу Иштык в расстоянии дня пути от аула. К Иштыку поедут кзыл-аскеры, и Кутан выедет к ним навстречу. Сделай так, чтобы кзыл-аскеры остались ночевать у тебя и не пошли дальше. Аллах поможет тебе. Тогда Кутан тоже придет к тебе в юрту, и пусть он тоже останется там. Ты, почтенный Исахун, не жалей баранов для жирного беш-бармака и не жалей белого порошка из мешочка. Все зависит от бога».

***

Николаенко и Закс неспеша ехали по тропе к Иштыку. Они везли почту и газеты и уже третьи сутки были в пути. Лошади шли шагом.

Солнце опускалось к вершинам гор, красный диск его был подернут легким туманом.

Переезжая реку, пограничники напоили лошадей.

— Хорошо бы встретить юрту, — мечтательно сказал Закс. Две прошлые ночи пришлось провести в лесу под открытым небом.

Еще с полчаса ехали молча.

— Неплохо бы свежего барашка поесть, — сказал Николаенко.

Мерно покачиваясь в седлах и неторопливо переговариваясь, друзья поднялись на небольшую пологую горку.

Река поблескивала раскаленным серебром по коричневато-зеленой равнине. Мрачные горы громоздились вокруг. Снег низко спускался к подножьям. Шла зима, и каждую ночь снег выпадал на равнинах.

— Яшка! — воскликнул Николаенко, — Яшка, или мы видим мираж, или юрты стоят у реки!

— Мираж бывает только в пустынях и морях, — сурово сказал Закс. Мы видим — именно юрты, и я уже чую запах беш-бармака. Вперед!

И Закс запел песню:

Вперед, чекисты молодые,
Станка и плуга сыновья,
Вас ждут сырты. Бойцы родные,
В поход сбирайтеся, друзья...

Закс, сидя у костра, учил дочь пастуха петь красноармейскую песню.

Песню сочинил Николаенко, и вся комендатура гордилась своим поэтом:

Чекист в горах всегда учился,
С кем в бой вступать, куда итти,
Морозом, ветром закалился,
Преграды нет ему в пути.

Пограничники рысью подъехали к становищу.

Старик киргиз вышел из большой юрты и поклонился в пояс. На нем была войлочная шапка и хороший теплый халат. Поклонившись, он подбежал, чтобы поддержать стремя Николаенко. Николаенко соскочил сам. Закс пристально вгляделся в лицо старика. Старик осклабился в подобострастной улыбке и протянул руку.

— Здравствуй, здравствуй, почтенный Исахун, — весело сказал Закс. — Так вот где ты пасешь своих баранов. А мы думали, что ты вовсе удрал после того, как хотели тебя раскулачить. Помнишь?

Злые искры сверкнули в маленьких косых глазах Исахуна, но он сдержался.

— Что ты, что ты, чолдош! Зачем Исахуну удирать? Исахун любит советскую власть, Исахун друг советской власти. Прошу вас, прошу почтить мою юрту. Исахун молодого барашка зарезал как раз. Прошу вас, товарищи.

Николаенко пошел к юрте. Исахун засеменил возле него, торопясь откинуть полог.

Закс оглянулся на молчаливую кучку оборванных пастухов.

— Коля, — сказал он. — Посмотрите, Коля, какой парнишка симпатичный. Подите-ка сюда, посмотрите, — и он взял на руки чумазого сына пастуха.

Николаенко подошел к нему.

— Коля, — продолжал Закс, — не находите ли вы, что лучше нам зайти вот в эту юрту? — Он кивнул на старую пастушью юрту, покрытую дырявой кошмой.

— Ерунда, — нерешительно протестовал Николаенко. — Беш-бармак...

— Пойдемте, Коля, — не слушая его сказал Закс и с мальчишкой на руках вошел в юрту.

Когда через полчаса рассерженный Исахун заглянул в юрту, Закс, сидя у костра, учил дочь пастуха петь красноармейскую песню. Девушка смущалась и закрывала лицо рукавом старого казакина, но пела, смешно коверкая слова:

«...конная Буденная раскинула пути...»

Исахун пришел предложить беш-бармак.

От беш-бармака пограничники отказались и угостили пастухов консервами.

Ночью Исахун выбросил из своей юрты целый казан вареного мяса.

Пограничники уехали рано утром. Недалеко от становища они наткнулись на скорченные трупы собак. Собаки валялись рядом с большими кусками вареного мяса, скалили зубы, покрытые пеной, и мертвыми стеклянными глазами смотрели на всадников.

— Странно! — сказал Закс.

* * *

Исахуна арестовали через два дня.

Те же кзыл-аскеры приехали к нему. Вместе с ними был Кутан, уполномоченный Винтов и доброотрядцы с пленными басмачами.

В юрте Исахуна сделали обыск. Ничего подозрительного не было. Но когда кзыл-аскеры уже хотели уезжать, к Заксу подошла дочь старого пастуха. Задыхаясь от смущения, она сказала что-то по-киргизски.

— Что она говорит, Кутан? — крикнул Закс.

— Что она говорит? — улыбнулся Кутан. — Что может говорить молодой девочка такому хорошему парню?

Но когда девушка повторила непонятную фразу, Кутан стал серьезным и насторожился, а Исахун смертельно побледнел.

Девушка сказала, что Исахун спрятал что-то под камень за юртой. Она сама видела, как он делал это. Под камнем нашли кожаный мешочек. Винтов раскрыл его. В мешочке был белый порошок.

Исахун бросился к лошадям, но Кутан внимательно следил за ним. Он подставил ему ногу, и бай со всего размаху растянулся на земле. Кутан вскочил к нему на спину и хорошенько обработал своими увесистыми кулаками. Когда бая подняли, он плакал, клялся, что ни в чем не виноват, и признался во всем. Он показал письмо Джонтая, умоляя простить его. Пленный вожак басмачей Касым подошел и плюнул Исахуну в лицо. Доброотрядцы смеялись.

Через несколько часов весь отряд двинулся дальше.

Кутан и Винтов ехали молча.

Кутан задумался и тихо мурлыкал песенку.

— Что ты поешь, Кутан? — спросил Винтов.

Кутан улыбнулся.

— Хорошая песня, понимаешь. Конная Буденная раскинула пути...— пропел он и сказал помолчав: — одна киргизская девушка пела.

Фото Ф. Петрокаса.

Вышивка группы жен начсостава N погранотряда (БССР) „Пограничник с собакой".

В. КВАСНИЦКИЙ

ПОПУТЧИКИ

Рис. Ардо

Это было несколько лет назад. Я только что окончил училище, получил назначение на корабль и ехал к месту службы. В купе скорого поезда моей соседкой была синеглазая блондинка. Уютно завернувшись в пуховую шаль, она читала «Цусиму» Новикова-Прибоя.

В дороге люди знакомятся быстро. Соседка оказалась женщиной милой и разговорчивой. Через час я уже знал, что ее зовут Лидией Павловной, что она недавно разошлась с мужем, который оказался чужим человеком, и теперь едет устраиваться на работу в тот же приморский город, в который направлялся и я. До начала работы Лидия Павловна собиралась несколько дней отдохнуть и прокатиться на пароходе.

— Но только, если будет тихая погода. Я не переношу качки. А вы?

Я заявил, что люблю свежую погоду, и рассказал об одном плавании, во время которого пришлось выдержать жестокий трехдневный шторм. Было самое меньшее одиннадцать баллов, но я чувствовал себя прекрасно.

— Ну-те-с, разрешите усомниться!

Я поднял голову. На верхней полке лежал незнакомец. У незнакомца были серебряные виски, густые черные брови и серые веселые глаза.

Признаться, появление нового собеседника не доставило мне никакого удовольствия. Во-первых, вдвоем с Лидией Павловной я чувствовал себя прекрасно, а, во-вторых... гм... откровенно говоря, в описании шторма я того... не пожалел красок. Собственно, и волна была пониже и не совсем одиннадцать баллов. Допустим, что было только девять. Да! Но кто просил посторонних вмешиваться в наш разговор?

— Я люблю море, — задумчиво сказала Лидия Павловна. — Люблю и боюсь. Я никогда не могла бы стать женой моряка... Штормы.... Бури... Вечная тревога... А морской бой? Это что-то чудовищное! — Ее голос дрогнул. — Мой отец погиб под Цусимой. Как раз вот в этом сражении.

Лидия Павловна раскрыла книгу и прочла описание гибели одного из крейсеров второй эскадры Рожественского.

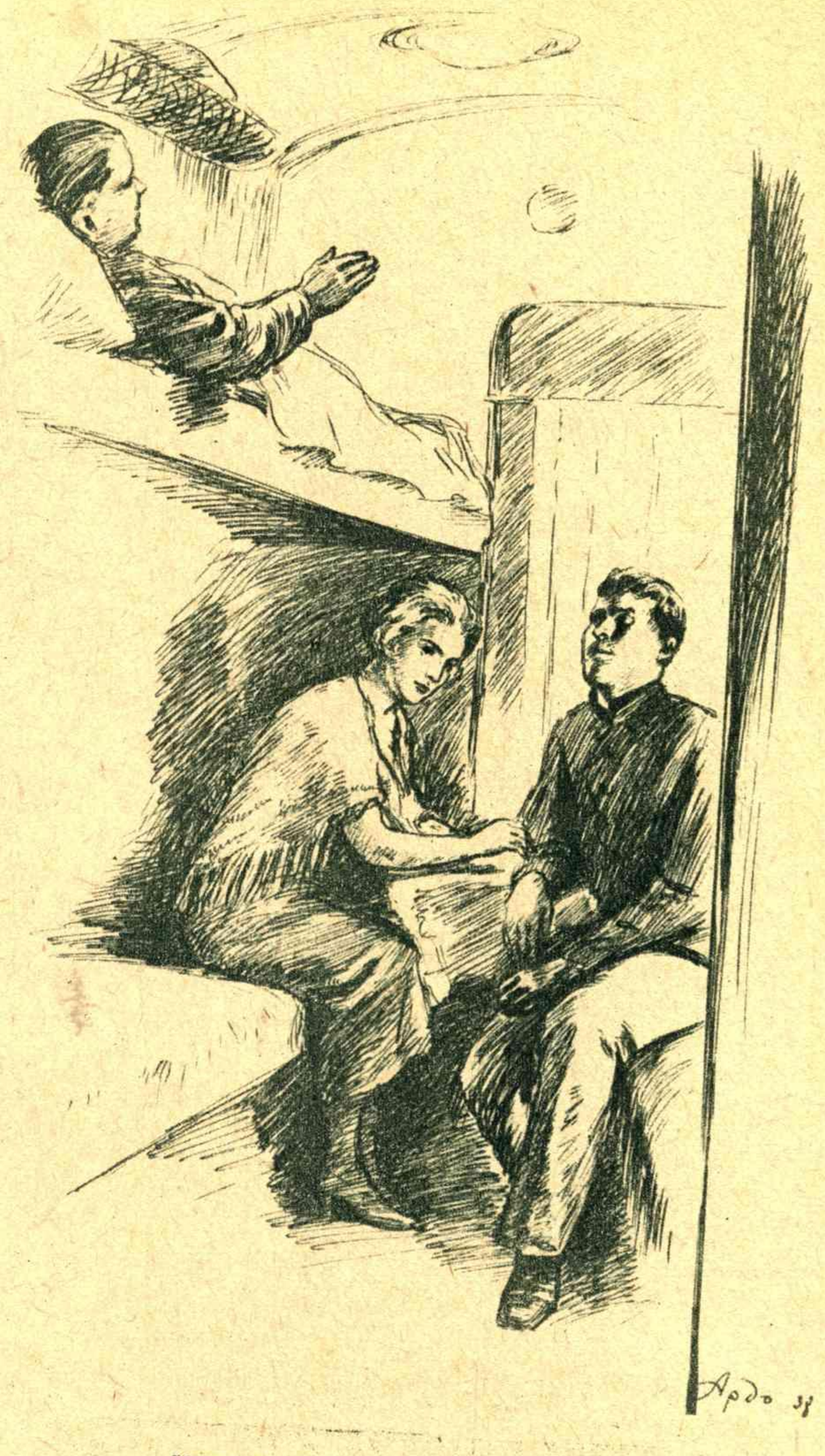
После я не раз перечитывал этот отрывок. Крейсер погиб потому, что атаковавшие его японские корабли имели более мощную, а главное — более дальнобойную артиллерию. Разговор как-то сам собой перешел на близкую моему артиллерийскому сердцу тему.

— Ну, вот, благодарю, — сказала Лидия Павловна, выслушав мои объяснения, — а я думала, что чем больше положить в пушку пороха, тем и снаряд дальше летит.

Я попытался объяснить в популярной форме зависимость дальнобойности от материальной части, но в лекцию по балистике снова вмешался верхний сосед.

— Скажите: вы, очевидно, недавно окончили училище?

В голосе незнакомца была явная и обидная для меня насмешка. Он, очевидно, завидовал моим успехам и пытался меня дискредитировать в глазах соседки. Какое ему, чорт его побери, дело до того, когда я закончил училище? Есть же таки въедливые и неприятные люди!



— Ну-те-с, разрешите усомниться!

Но маневр неприятного незнакомца не удался. Лидия Павловна попрежнему говорила только со мной. Она с живым интересом расспрашивала о морской службе и задавала самые наивные, самые нелепые и уморительные вопросы. Но как это у нее мило и непосредственно получалось!

— Почему на кораблях делают круглые окошки? Кто вам стирает белье? А можно ли из пушки стрелять ночью? А молоко вам дают? А если в пушку насыпать пороху чуточку больше, ну, чуть-чуть, ничего не случится?

Мы долго и весело болтали.

Явно убитый невниманием незнакомец перестал отпускать ядовитые замечания, достал блок-нот и начал писать. Но я чувствовал, что он попрежнему внимательно прислушивается к нашему разговору. Это внимание становилось не только неприятным, но и, в конце концов, подозрительным...

Между тем, незаметно наступил вечер. Прошел теплый дождь. В открытое окно вместе с ветром врывался горьковатый запах черемухи, смолистый аромат распускающихся тополей. В купе горел ласковый голубой ночник. Мне было двадцать три года. Я сидел рядом с Лидией Павловной, ее теплая рука была в моей... Мы решили не спать всю ночь. Далеко на горизонте багровыми всполохами горели огни домен. Одна за одной мелькали белые тихие станции, окруженные тополями.

Часов около двух ночи в глаза ударил яркий свет фонарей. Поезд, подпрыгивая на бесчисленных стрелках, замедлил ход. Мы подъезжали к большой узловой станции. Лидия Павловна хотела пить. Я взялся за фуражку. Следом за мной вышел и незнакомец. Мы потеряли друг друга в шумной бестолочи вокзальных коридоров.

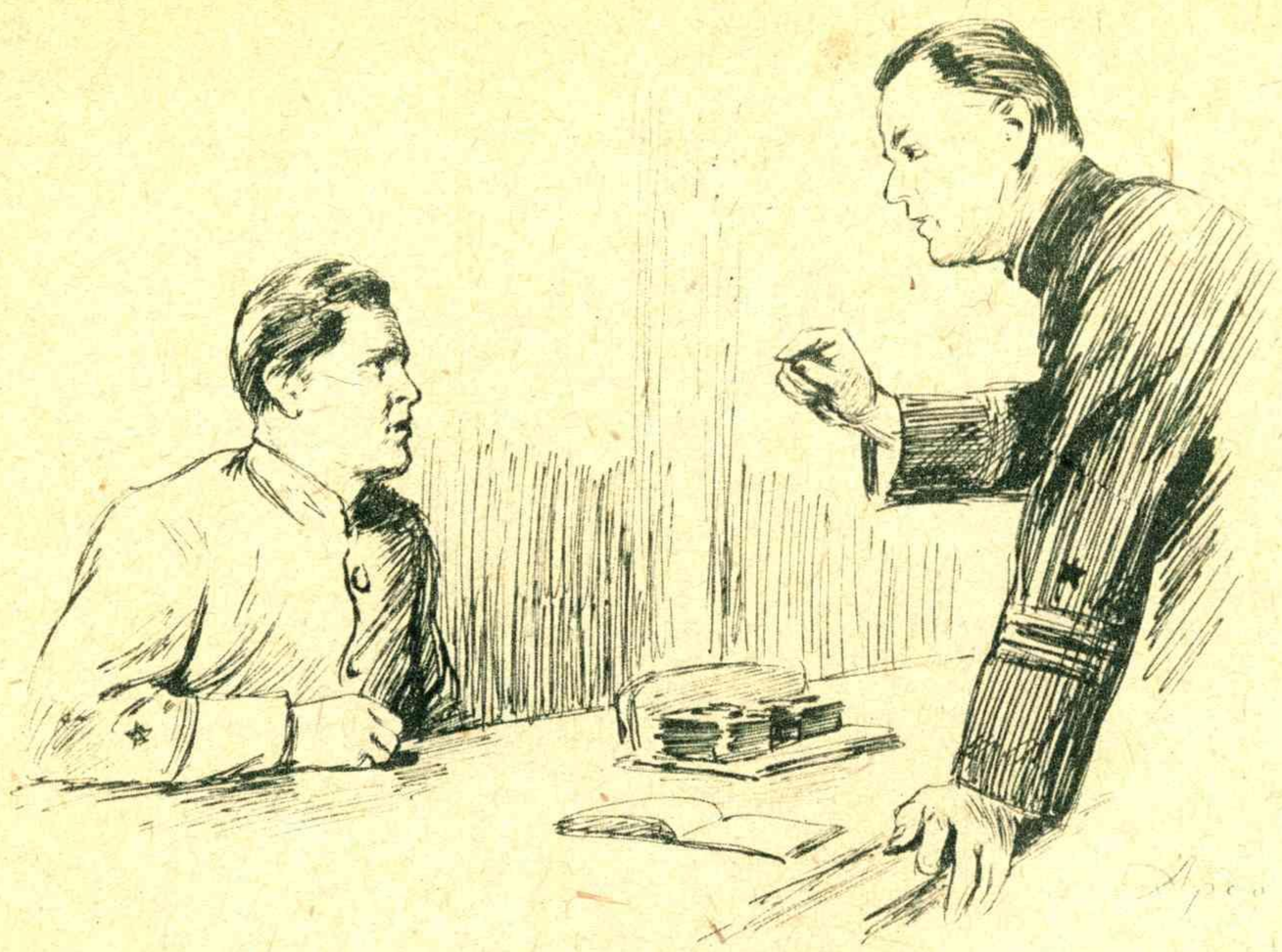
Вернувшись с бутылкой лимонада и коробкой конфет, я нашел наше купе пустым. Дверь была открыта, горел свет, на полу валялась раздавленная ветка акации...

Два звонка. Поезд тронулся. Лидия Павловна не возвращалась.

— Отстала?

Нет! Вместе с Лидией Павловной исчезли и ее вещи. Но самое странное, что на полке не было и чемодана незнакомца.

Что случилось? Почему она сошла с поезда? Почему сошел он? Наконец,



— Знаете ли вы, о чем вас спрашивали?

почему они ушли вместе? Что произошло, пока я бегал за лимонадом? До утра я просидел один, курил и старался подавить тревожную обиду. Было горько во рту, в голову лезли самые нелепые предположения.

Казалось, что я дремал не больше четверти часа, но когда я открыл глаза, горячее солнце уже заливало прокуренное купе. Разъезд, два тоннеля — и вот уже развернулась изумрудная даль залива. Окутанные утренней дымкой, виднелись силуэты боевых кораблей. Я дышал соленым ветром и жадно всматривался. Вот этот двухтрубный красавец — мой корабль.

Ночное приключение потеряло свою остроту. Будут еще весенние ночи, будут и милые встречи. Завтра для меня начинается новая жизнь!

На следующее утро я был уже на крейсере. Вестовой пригласил меня в салон. Я взглянул на поднявшегося с кресла при моем появлении командира корабля и... едва выговорил первые слова официального представления. Передо мной, с двумя орденами на форменном кителе, стоял... вагонный незнакомец! Ошибка? Простое сходство? Нет, это он! Те же густые брови, седина висков, умные, насмешливые глаза.

— Ну-с, — сказал командир, — очень рад. Извините, что тогда я в вагоне ушел не простившись. Мне пришлось задержаться на станции. Дело в том...

Он пристально посмотрел на меня.

— ...Дело в том, что ваша милая соседка оказалась шпионкой. И судя по тому, что при ней было найдено, это — шпионка с большим стажем. Присядьте-ка!

Командир надавил пуговку звонка. У дверей вырос вестовой.

— Скажите там, чтобы нам дали чаю. Вам с лимоном?

Не помню своего ответа. Кажется, отказался от лимона.

Она оказалась шпионкой, а ведь мы с ней говорили... Но я не мальчишка и не болтун! Я отлично помню, что именно я говорил!

— Ну-с, — продолжал командир. — Вы можете успокоиться. Вы не сказали тогда ничего такого, что бы можно было назвать разглашением служебной тайны. Я это подтверждаю. Но знаете ли вы, о чем вас спрашивали?

Командир достал блок-нот и прочел... Среди смешных и наивных благоглупостей были изумительно ловко вкраплены замаскированные вопросы, касающиеся результатов испытания одного рационализаторского предложения. Об этих испытаниях я ничего не знал. Но, очевидно, знала вражеская разведка.

С тех пор прошло несколько лет. За эти годы у меня было немало весенних ласковых вечеров и интересных встреч. Я охотно рассказываю о морской службе. Я говорю о замечательных людях на наших кораблях, о штормах, о бурях, о белой чайке над белыми барашками волны. Чайку я особенно рекомендую для морских рассказов. Эта птица с большим поэтическим стажем и не имеет никакого отношения к вооружению корабля.

Штормы и бури — тоже недурная морская тема. Только учтите, что при одиннадцати баллах трудно чувствовать себя прекрасно. В этом я убедился на собственном опыте.

Фото А. Иоселевича

Занятие краснофлотцев Днепровской военной флотилии на макете реки.

Л. ИВАНОВ

ЛЕТАЮЩИЕ ЛЫЖНИКИ

«Зрелище прыжка на лыжах, если он выполняется искусно и смело, — одно из удивительнейших в мире. Весь переполняешься радостью и гордостью за человека, когда видишь, как лыжник быстро скользит с горы, затем внезапно приседает у края уступа, лебедем взлетает на воздух, плавно опускается в 20—30 метрах и, овеянный снежной пылью, стремится дальше».

Так писал знаменитый ученый Фритьоф Нансен, и его восхищение вполне оправдано.

Представьте себе, что вы стоите на балконе, висящем над снежной пропастью. Верхушки столетних деревьев качаются у самых ваших ног. Справа, далеко внизу, лежит широкая долина; слева возвышается грандиозная, осыпанная снегом, эстакада. В бинокль видно, что на маленькой площадке, устроенной на вершине, кто-то спокойно надевает тяжелые трехполозные лыжи. Долго и тщательно проверяет он крепления, потом распрямляется, пробует, как скользят лыжи, и вдруг, глубоко присев, камнем устремляется вниз.

Ваше сердце обрывается. Вам рисуется бешеное, головокружительное падение, после которого нельзя будет собрать ни одной косточки смельчака. Но, к вашему удивлению, лыжник еще пружинит на согнутых ногах, чтобы увеличить скорость спуска. Он несется к обрыву, неожиданно выпрямляется, взмахивает, как крыльями, руками и со свистом врезается в воздух. Мгновение — и вот уже, где-то внизу, его лыжи с гулом опускаются на снег...

Жуткое это зрелище — прыжки на лыжах! Но когда вы сами научитесь летать над снегом, вы убедитесь, что страшно только со стороны.

В Норвегии есть глухая гористая провинция Телемарк. В начале прошлого столетия, когда жители деревень собирались там на праздничные гуляния, молодежь завела традицию устраивать лыжные соревнования. Юноши и подростки изощрялись в показе своего искусства, и однажды какой-то смельчак прыгнул с уступа на склоне горы. Прыжок удался. Его повторили, а через несколько месяцев уже целая плеяда деревенских лыжников стала соперничать в достижении наибольшей длины полета. Держа в руках по маленькой еловой ветке, неслись они вниз по склону, отталкивались от края уступа, описывали по воздуху длинную дугу, мягко опускались на снег и стремглав неслись дальше, заканчивая свой путь эффектным поворотом, так и получившим название — Телемарк.

Слухи о необычайных людях-птицах дошли до городов Норвегии. Спортсмены заинтересовались чудесами телемаркских крестьян. Они предложили устроить совместные соревнования, и в 1879 г. в небольшом местечке Гусби «секрет» прыжка был раскрыт.

С тех пор трамплины начали строить почти во всех странах. В наше время уже совершаются прыжки на 100 метров. В Америке выстроен трамплин с искусственным снегом, на котором можно прыгать даже в самый жаркий день.

В чем же «секрет» летающих лыжников? Почему они не разбиваются, падая с шестидесятиметровой высоты, тогда как, казалось бы, для этого достаточно упасть с третьего этажа?

Прыжок на лыжах — это прыжок в длину и в глубину. Гора приземления делается настолько крутой, что в любом ее месте лыжник опускается на снег не под прямым, а под очень острым углом. Как только лыжи соприкасаются со снегом, они опять начинают скользить, и поэтому почти вся сила падения уходит не на удар, а на увеличение скорости движения вперед. Разговоры о невероятной опасности этого спорта — сплошная чепуха. Прыгать на лыжах не опаснее, чем ездить на велосипеде. За много лет известен только один случай гибели спортсмена, да и тот произошел по совершенно непонятным причинам, и не с новичком, а с лучшим прыгуном мира — «королем лыж», норвежцем Торлифом Хаугом. Старик Хауг не разбился, а умер в воздухе от разрыва сердца. Свидетели рассказывают, что он оборвал свой прекрасный полет, как подстреленная птица...

Вся трудность прыжка заключается в умении сохранять сильный наклон тела вперед во время полета. Это достигается очень любопытным приемом.

Станьте прямо, составьте ноги вместе, расставьте руки в стороны, на уровне плеч, и решите такую задачу: как, не сгибаясь в пояснице и не шевеля ногами, подать тело вперед? Первое, что вам придет в голову, — это взмахнуть руками вперед. К вашему удивлению, вы подадитесь не вперед, а назад. Взмахните еще сильнее — вы только сильнее отклонитесь в обратную сторону. Решение оказывается совершенно иным.

Не сгибая рук, начните описывать кистями небольшие круги в направлении: вперед — вверх — назад — вниз — вперед — и т. д. Пока вы будете описывать эти круги равномерно — ваше тело будет оставаться вертикальным. Но стоит часть круга — «вверх — назад» начать проделывать резко и в определенном ритме, как вас неудержимо потянет вперед.

Умение владеть своим телом, когда оно лишено точек опоры, может пригодиться каждому. Но в особенности такое умение необходимо альпинистам, планеристам, парашютистам, летчикам. Прыжки на лыжах как раз вырабатывают такое умение. Они закаляют волю, делают человека смелым, решительным, ловким. За эти качества народ и любит летающих лыжников. Недаром прыжки на лыжах получили массовое распространение в нашей стране.

Интересно проследить, как, в зависимости от возможной длины прыжка, изменялась его техника (длинный прыжок можно сделать только на соответственно сконструированном трамплине, имеющем длинные и крутые горы разгона и приземления).

Пока люди прыгали до 50 метров — они пользовались так называемым балистическим стилем. Заключался он в том, что в момент, когда носы лыж оказывались у края трамплина, прыгун старался сильнее оттолкнуться вверх и тем самым добиться более длинной траектории полета. Сопротивление воздуха считалось в этом стиле помехой. Чтобы его уменьшить, многие прыгуны выступали в шерстяных трико, плотно облегающих тело. Но так было только до пятидесятиметрового рекорда.

Когда построили трамплины, позволяющие прыгать дальше, увеличивающаяся скорость разгона затруднила производство толчка, и приземление сделалось очень чувствительным. Изобрели аэродинамический стиль. В отличие от балистического, он весь построен на использовании сопротивления воздуха. В момент отделения от трамплина прыгун старается не прыгнуть, а как можно сильнее податься вперед, к носам лыж. Слегка сгибаясь в пояснице, он придает своему телу профиль крыла самолета, и воздушное сопротивление оказывается в этом случае таким сильным, что чувствуешь себя лежащим, как на подушке; тело буквально планирует...

Замечательным мастером аэродинамической техники является чемпион Красной Армии воентехник Виктор Харченко. В прошлом году на трамплине, рассчитанном для максимального прыжка в 50 метров, он пролетел почти 60. Но подобные эксперименты, безусловно, опасны. Нам надо построить новые большие трамплины, и тогда не один десяток советских прыгунов оставит далеко позади буржуазных чемпионов. В Красной Армии уже сотни бойцов и командиров уверенно прыгают на 25—30 метров.

ШАХМАТЫ

под редакцией мастера М. Барулина

К борьбе за мировое первенство

Как только закончился матч между Алехиным и Эйве, последний поторопился сделать корреспондентам следующее заявление: «Алехин показал игру исключительного класса», и добавил, что он, Эйве, «...не собирается в ближайшем будущем оспаривать звание чемпиона мира... Пусть это попытаются сделать молодые мастера...»

Последние не заставили себя долго ждать. Известный чехословацкий гроссмейстер Сало Флор послал Алехину официальный вызов, подкрепленный материальными гарантиями чехословацкого шахматного объединения.

Матч был намечен на 1940 год. Однако, Алехин отклонил вызов Флора. Он заявил, что в первую очередь он «считает для себя обязанностью сыграть матч с Капабланкой», который уже давно добивается реванша за проигрыш в 1927 году.

Шансы Флора в борьбе с Алехиным были бы очень незначительны, но отказ Алехина лишил его даже возможности считаться в течение двух лет «кандидатом в чемпионы мира».

Подготовка к матчу Алехин — Капабланка уже ведется.

Было бы неуместно уже сейчас делать какие-либо предсказания относительно этого соревнования. Ясно одно: оно явится совершенно исключительным событием в истории шахмат.

Алехин находится сейчас в блестящей спортивной форме. Но и Капабланка своими победами в Москве и Ноттингеме в 1936 году показал, что его огромное шахматное дарование — в полном расцвете.

Как заявил Алехин, этот матч предположено организовать в 1939 г.

Впрочем, не исключена возможность, что еще до этого срока молодое поколение шахматных мастеров выдвинет новых претендентов на первенство мира. Среди этих претендентов виднейшее место — мы не сомневаемся — будут занимать шахматные мастера страны Советов.

Решающая партия матча на первенство мира

25-я партия. Играна в Гааге 4 декабря 1937 г.

М. *Эйве* (белые) — А. *Алехин* (черные)

Защита Нимцовича

1. d2 — d4 Kg8 — f6
2. c2 — c4 e7 — e6
3. Kb1 — c3 Cf8 — b4

После чешской защиты, которую оба противника упорно применяли в первой половине матча, защита Нимцовича охотнее других избиралась ими во второй половине.

4. e2 — e3

Этот ход, в связи с дальнейшим развитием коня на e2, составляет известную систему Рубинштейна. Обычно здесь играют 4. Фc2 или 4. a3.

4. ... 0—0
5. Kg1 — e2 d7 — d5
6. a2 — a3 Cb4—e7
7. c4 : d5 e6 : d5
8. Ke2 — g3 c7 — c5!

Сильно и, повидимому, неожиданно для Эйве, который сам, играя черными, никогда бы не пошел на создание изолированной пешки на d5. Однако, Алехин в этом матче неоднократно избирал осужденные теорией продолжения и добивался победы. В данной партии Эйве попал, очевидно, на заранее заготовленный Алехиным вариант.

9. d4 : c5 Ce7 : c5
10. b2 — b4

Несколько лучше было 10. Ka4.

10. ... d5 — d4!

Чисто алехинский выпад. В этом ходе реализуется вся идея построения дебюта черными.

11. b4 : c5 d4 : c3
12. Фd1 — c2 Фd8 — a5
13. Лa1 — b1

Белые комбинируют на размен пешек c5 и c3, но не замечают красивого 15-го хода черных.

13. ... Cc8 — d7
14. Лb1 — b3 Cd7 — a4
15. Фc2 : c3

Как будто теперь для белых все в порядке, но следует неожиданность:

15. ... Фa5 — d8!
16. Cf1 — c4

Ладья не может двинуться с места из-за угрозы мата на d1!

16. ... Kb8 — a6
17. Cc4 : a6 b7 : a6
18. 0 — 0 Ca4 : b3
19. Фe3 : b3 Лa8 — b8
20. Фb3 — c2 Фd8 — d5
21. e3 — e4 Фd5 — b3

Имея лишнее качество, вполне естественно, что черные ищут размена ферзей. Также понятно, что Эйве все время уклоняется от размена: эндшпиль явно проигран для белых.

22. Фc2 — e2 Фb3 — b5
23. Фe2 — f3 Фb5 : c5
24. Kg3 — f5

Белые пытаются атаковать королевский фланг черных.

24. ... Лb8—b1!
25. Фf3 — f4 Kf6 : e4
26. h2 — h4 Лf8 — e8
27. Лf1 — e1 Фc5 — c3
28. Лe1 — d1 Ke4 — d2!

Красивый ход. Конь идет под удар трех фигур, вынуждая размен.

29. Лd1 : d2 Лb1 : c1+
30. Kpg1 — h2 Фc3 — c7
31. Лd2 — d6 Лc1 — c5
32. g2 — g3 Лe8 — f8

Нельзя было 32... Л : f5 из-за 33. Лe6!

33. g3 — g4 f7 — f6
34. Kph2 — h3 h7 — h5
35. Фf4 — d2 h5 : g4+
36. Kph3 : g4 Фc7 — f7
37. h4 — h5 Лc5 : f5!

Наиболее быстрый путь к развязке

38. Kpg4 : f5 Фf7 : h5+
39. Kpf5—f4 Фh5 : h4+
40. Kpf4—f3 Фh4 — h3+
41. Kpf3—e4 Лf8 — e8+
42. Kpe4—d5 Фb3 : a3

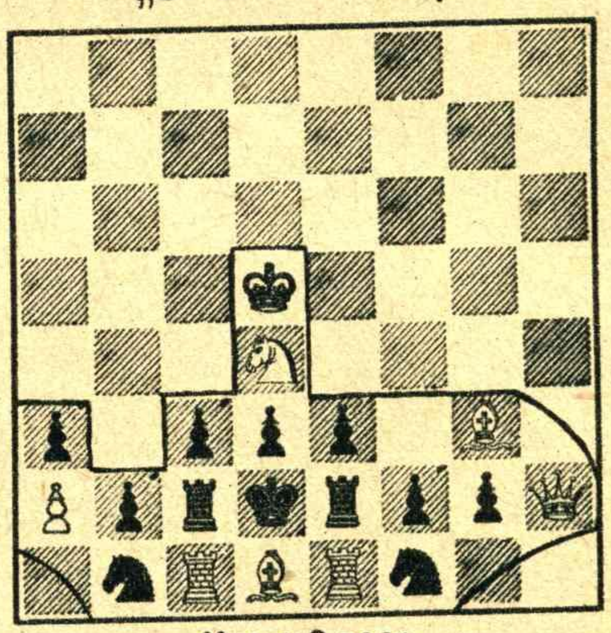
Белые сдались.

Победа в этой партии вернула Алехину звание чемпиона мира.

Насыщенная красивой и глубокой борьбой, эта партия вполне достойна занять почетное место в истории шахмат и борьбы за мировое первенство.

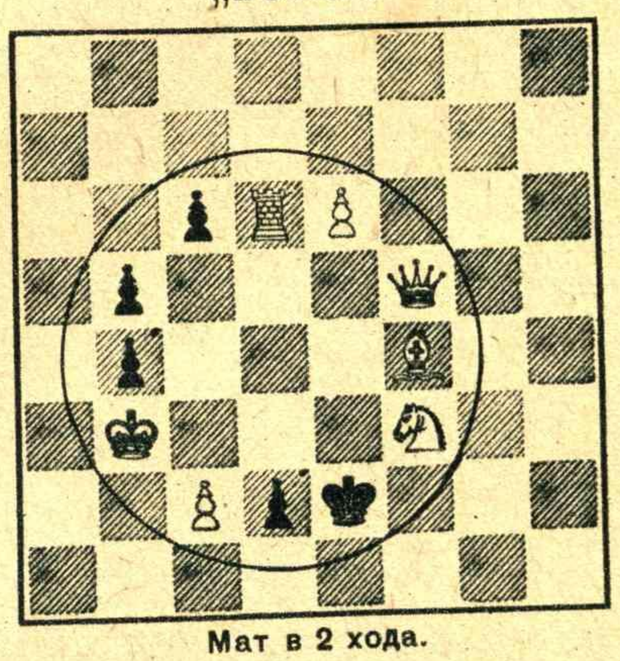
„ФИГУРНЫЕ“ ШАХМАТНЫЕ ЗАДАЧИ

„БРОНЕНОСЕЦ“



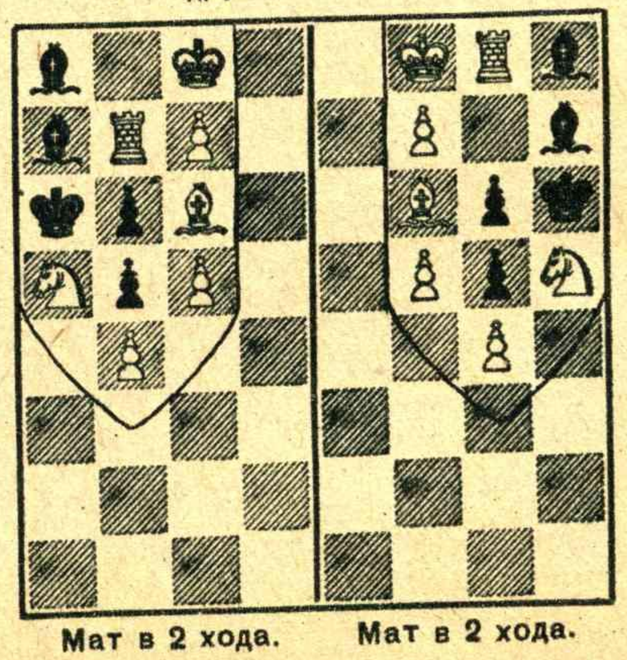
Мат в 2 хода.

„БОМБА“



Мат в 2 хода.

„ДВЕ ПУЛИ“



Мат в 2 хода. Мат в 2 хода.

В ТЫСЯЧАХ РЕЗОЛЮЦИЙ МИТИНГОВ И СОБРАНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ И ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ВМЕСТЕ СО ВСЕМ СОВЕТСКИМ НАРОДОМ ЕДИНОДУШНО ТРЕБУЮТ ОТ СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ БЕСПОЩАДНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ЗАКЛЯТЫХ ВРАГОВ НАРОДА, ГНУСНЫХ УЧАСТНИКОВ АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА".

Лейтенант тов. Г. Кравченко на собрании бойцов N части читает обвинительное заключение по делу антисоветского „право-троцкистского блока".

Красноармейцы подразделения политрука тов. Л. П. Взапрелова слушают по радио обвинительное заключение по делу антисоветского „право-троцкистского блока".

Красноармейцы одного из подразделений 3-с. п МПСД слушают по радио обвинительное заключение по делу антисов.тского „право-троцкистского блока".

Младший командир тов. В. Е. Колесников выступает на митинге курсантов московского военного училища имени ВЦИК по поводу процесса над участниками антисоветского „право-троцкистского блока".

Редакционная коллегия **Зав. редакцией Б. БОНДАРЕНКО** **Тех. редактор Б. МАЛИШЕВСКИЙ**

Издатель Воениздат **Адрес редакции: Москва, 19, ул. Маркса и Энгельса, 17.** **Тел. К-4-71-16**

Уполном. Главлита № Г-9184. 4 п. л. 320 000 знаков. Изд. № 97. Сдан в производство 9. 2. 38. Подписан к печ. 11. 3. 38. Тираж 75 200 экз. Заказ № 568

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Институт литературы ЦИК СССР.